

Талантный детектив

Марта Таро

**ДЕВУШКА
С ГЛАЗАМИ
ЛЬВИЦЫ**

Галантный детектив

Марта Таро

Девушка с глазами львицы

«ВЕЧЕ»

2016

Таро М.

Девушка с глазами львицы / М. Таро — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Галантный детектив)

ISBN 978-5-4444-8606-1

1814 год. Фрейлина Орлова выполняла в Лондоне секретнейшее поручение царской семьи, когда на её глазах сгорел особняк примадонны лондонской оперы. Под его завалами нашли тела хозяйки дома и ее русской гостьи – светлейшей княжны Елизаветы Черкасской, а вот дочка примадонны Кассандра бесследно исчезла. Полиция не торопится расследовать дело, решив, что это простое убийство с целью ограбления. Однако русская фрейлина не может смириться – она хочет найти истинных преступников, и ради этой цели Орлова исколесит всю Европу, узнает множество секретов и... разложит карты Таро. «Девушка с глазами львицы» – новый роман Марты Таро из уже полюбившегося читателям увлекательного цикла «Галантный детектив», в котором карты Таро помогут раскрыть коварный замысел преступников.

ISBN 978-5-4444-8606-1

© Таро М., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Глава первая. Убийственный сочельник фрейлины Орловой	6
Глава вторая. Отчаянная решимость	9
Глава третья. Бал-маскарад	13
Глава четвёртая. Алая полумаска	17
Глава пятая. Ковент-Гарден	22
Глава шестая. Кассандра Молибрани	26
Глава седьмая. Саломея Печерская	29
Глава восьмая. Абрек Коста	34
Глава девятая. Необычная подруга	37
Глава десятая. Загадочная беседа	40
Глава одиннадцатая. Кровавый сочельник сыщика Гаррисона	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марта Таро

Девушка с глазами львицы

© Таро М., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Глава первая. Убийственный сочельник фрейлины Орловой

Лондон

24 декабря 1814 г.

Какое же это Рождество? Так не бывает!.. Где мороз? Где укатанный до синеватого блеска снег? Где сани, запряжённые тройкой орловских рысаков?.. Конечно, в чужой монастырь со своим уставом не лезут, но ведь сердцу не прикажешь, что ему дорого, того и хочется.

Фрейлина российского императорского двора Агата Андреевна Орлова грустно вздохнула, глядя на жиденький снежный покров. Тот был так тонок, что стриженная трава знаменитых английских газонов, сплошь и рядом пробивала его. Снега в декабрьском Лондоне до сих пор не было, и лишь в самый сочельник природа смиростивилась, послав городу мягкий снегопад. Порадуйтесь люди – как-никак Рождество!

Агата Андреевна держалась из последних сил. «Не стоит распускаться, а то, не дай бог, ещё сплин подхватишь», – в очередной раз напомнила она самой себе. Цепкий и логичный ум фрейлины точно вычислил причину её тоски: дело было в одиночестве. Горько встречать самый волшебный праздник в чужой стране, сидя в холодной и пустой квартире. Одна-одинёшенька – и это в Рождество! Давно с ней такого не случалось, а вернее сказать, и вовсе не бывало. Понятно, что канули в Лету и сочельник в отцовском доме, и весёлые рождественские гуляния в Смольном институте, последние четверть века Орлова встречала этот праздник при дворе. Рядом были лишь фрейлины и, конечно же, сама вдовствующая императрица Мария Фёдоровна.

В жизни Орловой государыня давно стала самым главным человеком. Именно она научила юную Агашу всему тому, что теперь помогало в жизни Агате Андреевне. Императрица наставляла свою фрейлину в политике, подсказывала нужные шаги в хитросплетении дворцовых интриг, а самое главное, научила чувствовать людей. Не пускаться в долгие рассуждения, не строить чётких умозаключений, но ловить взгляд, слушать интонации и сразу понимать, кто перед тобой. Мария Фёдоровна и сама обладала этим счастливым умением, однако давно и бесповоротно признала явное превосходство своей ученицы. Государыня поручала Орловой такие миссии, которые не доверила бы больше никому. Это была огромная честь, но, как и всё на белом свете, лестное доверие имело и обратную сторону. Отправленная три месяца назад в Лондон с деликатнейшим и абсолютно секретным поручением, Агата Андреевна сидела одна в снятой российским посольством квартире, а за окном уже вступил в свои права рождественский сочельник.

Уехать, что ли? Всё ведь уже ясно, можно поставить точку, искушала хандра, сжимая когтистой лапкой сердце. Заманчиво... Но нельзя! Агата Андреевна не была уверена в своих выводах, а раз так, то какой же отъезд? Совесть потом замучает...

Орлова отодвинула защёлку и приоткрыла окно, в очередной раз отметив, как чудно они здесь отворяются. Совсем не по-нашему – одна рама скользила вверх по другой, впуская снизу поток холодного и сырого зимнего воздуха. Агата Андреевна с трудом к этому привыкла – то ли дело обычные форточки. Вот и сейчас ноги обдало холодной струёй, но фрейлина была согласна потерпеть. Оно того стоило! Слух не обманул Орлову: прежде чуть слышное пение сейчас зазвучало во всей полноте звука. Это было божественно! Удивительной красоты яркое переливчатое контральто вело простую и нежную мелодию. Агата Андреевна уже давно обнаружила тайну этого окна своей казенной квартиры – оно выходило как раз на цветник во внутреннем дворе особняка знаменитой оперной дивы Джудитты Молибрани. Если окна в доме

певицы были открыты, то Агата Андреевна в своей гостиной слышала пение. За проведенные в Лондоне унылые месяцы этот роскошный голос стал для Орловой единственной отрадой. Он приносил умиротворение, с ним было не так одиноко, а хандра, которую в столице туманного Альбиона следовало бы всё-таки считать сплином, уползала в свою тёмную норку и не мешала жить.

Чем же великая Молибрани порадует простых смертных на сей раз? Фрейлина попробовала угадать. Единственным иностранным языком, которым Агата Андреевна владела свободно, был французский, да за время своей службы при императрице-матери Орлова научилась понимать немецкий, но вот английского не знала. А сегодня Молибрани пела по-английски. Но что ещё можно петь в сочельник? Гимны! Конечно же, это были рождественские гимны. Чарующий голос коснулся сердца и прогнал одиночество, даже в полутемной чужой комнате стало немного светлее. Пусть этот голос звучит вечно!.. Но, повторив чудесный припев, певица закончила свой гимн, и Орлова замерла в надежде, что это ещё не всё, что голос не смолкнет, не отдаст её сердце обратно холоду и тоске. Бог помог – желание исполнилось: музыка зазвучала вновь, но теперь со звуками фортепьяно перекликались два голоса. Или это один так раздвоился? Неужели примадонна достигла такого виртуозного мастерства, когда голос оттеняет сам себя? Нет, неправда: поют-то ведь в терцию, значит, исполнительниц всё-таки две.

Музыка захватила Орлову, мысли её куда-то улетучились, и осталось лишь ощущение какой-то неземной светлой радости. Ангельские голоса пели о добре и счастье, о любви и нежности (фрейлина верила, что слова были именно такими), и о том, что жизнь прекрасна. Наконец голоса в последний раз обняли друг друга и смолкли. В комнату вползла тишина, и Орлова вдруг поняла, что щёки у неё мокрые... Ну надо же!.. Когда она успела стать такой сентиментальной? Вроде бы до старости далеко, сорок недавно исполнилось. Агата Андреевна потянулась за платком и вытерла слёзы.

Комнату освещало лишь пламя камина. Он был слишком далеко от окна и его тепло сюда не доходило, зато сырой холодный воздух успел застудить фрейлине бок. Пока звучала музыка, она этого не чувствовала, зато сейчас поняла, что дрожит. Орлова поспешила закрыть окно. Она в последний раз глянула на улицу сквозь частый переплёт рамы и уже собралась задёрнуть тяжелую бархатную штору, но замерла, очарованная прелестной сценкой: в крохотном садике сеньоры Молибрани гуляли барышни.

Только что на заснеженном газоне никого не было, а тут вдруг сразу две красавицы! Нарядные – в меховых ротондах и шляпках с перьями – на белом снегу они казались прелестными цветными фигурками. Игрушками или статуэтками. Заглушённые стеклом девичьи голоса были едва слышны. Потом одна из барышень схватила другую за руку, и они склонились друг к другу, соприкоснувшись полями шляпок.

Что это они там рассматривают? Орлова вдруг поняла, что ей это интересно. Конечно, фрейлине не было никакого дела до чужих девушек, но привычное любопытство, подстёгнутое боязнью вновь оказаться в цепких лапах русской хандры, пусть та и притворяется в Лондоне английским сплином, подтолкнуло Орлову к стеклу. Она вновь приподняла раму, стараясь не шуметь, чтобы не привлекать внимания гуляющих. Голоса зазвучали громче, но чуда не произошло – незнакомки говорили по-английски, так что Орловой понять их было не дано. Маленького развлечения не получилось, и фрейлина, вздохнув, закрыла окно. Раздавшийся вдруг выстрел показался настолько неуместным, что Агата Андреевна не поверила собственным ушам. Кто мог стрелять в этом укутанном покоем городе, да ещё и в такой светлый вечер?

Нет, верно, почудилось... Это не выстрел, а что-нибудь другое!.. Орлова вновь открыла раму. Сейчас сомнения развеются, и всё вернётся на круги своя: сочельник, пение гимнов, легкий снежок на безупречных английских газонах. Но барышни метнулись к дому. Одна из них как будто поскользнулась, она свалилась на четвереньки, но сразу же поднялась и, прихрамывая, поспешила за подругой, уже влетевшей в распахнутые двери.

– Господи, да что же это?! – воскликнула Агата Андреевна.

Она поняла, что кричит в открытое окно, да и было отчего ужаснуться: гардины за стеклом в доме примадонны занялись пламенем. Пожар?! Так куда же бегут эти девушки? Вторая незнакомка тоже исчезла внутри дома. Два выстрела, прозвучавшие один за другим, ужаснули Орлову. Нетрудно было догадаться, кому предназначены пули. Две девушки – нарядные и веселые, всего минуту назад гулявшие по тонкому рождественскому снежку. Неужели их больше нет? Вот так просто – только что болтали, радуясь своим трогательным секретам, а теперь всё? Орлова не могла отвести глаз от распахнутых дверей.

– Выходите, ну выходите, пожалуйста, – молила она незнакомок.

За окном мелькнула тень, и на террасу выскочил человек, а следом за ним – второй. Вот только были они мужчинами. Пистолеты в их руках говорили сами за себя. Убийцы! Фрейлина отступила за штору, но предосторожность оказалась излишней – преступники слишком торопились, чтобы следить за чужими окнами в поисках ненужных свидетелей. Мужчины бросились бежать по аллее маленького сада. Эта вымощенная камнем дорожка заканчивалась у калитки, ведущей на соседнюю улицу.

Похоже, что у преступников имелся ключ: железная дверца распахнулась, и оба мужчины вывалились наружу. Витые прутья решетки от удара содрогнулась, и калитка, медленно качнувшись назад, с противным скрежетом захлопнулась. Этот звук как будто разбудил Орлову. Нужно что-то делать! Хоть как-то помочь властям, рассказав об убийцах. Агата Андреевна с ужасом глядела на всполохи пламени за окнами соседнего дома. Знают ли о пожаре его обитатели? Этак ведь и весь квартал спалить можно. Орлова накинула шаль и бросилась к выходу. А вдруг ещё не всё потеряно?..

Глава вторая. Отчаянная решимость

Гленорг-Холл, Англия

1 сентября 1814 г.

Неужто прежняя жизнь потеряна безвозвратно?.. Но так, как теперь, тоже жить нельзя! Лучше умереть, чем так мучиться. Да если вдруг найдётся хоть малейшая возможность прекратить этот кошмар, за неё надо хвататься!.. Мысли были тяжёлыми и отнюдь неновыми. Светлейшая княжна Елизавета Черкасская теперь часто размышляла о своей печальной судьбе, но так до сих пор и не сумела разорвать порочный круг и вырваться на свободу. Чтобы она теперь ни отдала за возможность опять стать такой, «как все». Жаль только, что это было совершенно невозможно.

Рассвет своего семнадцатого дня рождения Лиза встретила у окна огромного, похожего на старинное аббатство дворца в поместье своей сестры. Долли две недели назад стала герцогиней Гленорг, а это поместье оказалось главной резиденцией её отчаянного мужа, решившего вопреки строгим английским традициям взять в жёны русскую княжну. Сегодня здесь ожидалось грандиозное празднество: молодожены давали бал-маскарад в честь принца-регента Георга и посетившего Англию российского императора Александра I. Царя сопровождала огромная свита из русских героев прошедшей войны и глав владетельных домов Европы. Все эти блистательные мужчины были приглашены на сегодняшнее празднество в Гленорг-Холл, а вслед за английским правителем сюда ждали и весь лондонский бомонд. Впрочем, княжну это изысканное общество не слишком занимало. На сегодняшний бал у неё имелись собственные планы, а задуманное волновало и, если честно сказать, изрядно пугало. Причины для этого были веские, но распространяться на эту тему Лиза не собиралась. Всё это касалось лишь её одной, и никто на свете не мог ей помочь.

Лиза прекрасно помнила тот самый первый раз, когда осознала, что читает чужие мысли. Это случилось ровно два года назад, в день её пятнадцатилетия. Графиня Апраксина, растившая четырёх княжон после смерти их родных, устроила тогда праздник в Ратманове – семейном гнезде Черкасских. Сам хозяин поместья – старший брат Лизы князь Алексей – воевал тогда с французами, добравшимися аж до Москвы, но в южных хлебных губерниях России пока было спокойно. Понятно, что молодые дворяне покинули свои имения и отправились в армию, но их родители и младшие братья продолжали жить привычной жизнью. Дни рождения княжон Черкасских традиционно отмечали детскими праздниками, куда приглашали всю молодежь из соседних имений. В тот день Лиза впервые надела «взрослое» платье и встала рядом с тётей на крыльце большого барского дома в Ратманово, как настоящая хозяйка. Она чинно приседала перед соседями-помещиками и их милыми жёнами, «светски», как учила английская гувернантка, кивала юношам, а барышням и детям подавала руку. Коснувшись ладони одной малознакомой гостьи, Лиза оцепенела – в её ушах вдруг чётко зазвучали подлые мысли этой девицы, как будто гостья произнесла их вслух. А потом стремительно, как в калейдоскопе, замелькали картинки, где завистливая соседка делала своим родным разные пакости. Тогда княжна встряхнула головой, отгоняя странные мысли, и, не поверив самой себе, постаралась больше не вспоминать о неприятных ощущениях.

Однако всё оказалось не так-то просто: через несколько дней Лиза случайно коснулась руки старшей сестры, и ей мгновенно передалось ужасное волнение. Сестра переживала из-за брата Алексея и боялась, что того уже нет в живых. Следом пред глазами Лизы встала картина: усталый конь бредёт под холодным осенним дождём, а на его спине распластался всадник. Что с ним: ранен или убит? Онемев от изумления, княжна замерла посередине комнаты, пока удивлённая сестра не растормошила её.

Лиза тогда сильно испугалась, и отмахнуться от видений, как от случайности, уже не смогла. Ей остался один единственный путь – докопаться до истины. Несколько дней она как бы нечаянно прикасалась к рукам близких и... ничего не чувствовала. Всё изменилось в тот миг, когда ей пришлось утешать тётку, получившую известие о пожаре в Москве. Графиня Апраксина пошатнулась и начала оседать. Схватив старушку за руку, Лиза подставила плечо, и белый день в жарком Ратманове для неё исчез, перед глазами одна за другой проплывали картины: карета и рядом с Апраксиной – она с сёстрами, потом незнакомый дом, где они почему-то живут, а Элен с ними нет.

Господи, помилуй! Неужели она читает мысли людей и видит их будущее? Лиза ужаснулась, но, к сожалению, это оказалось истинной правдой. Если кто-то испытывал сильное волнение, а она в этот миг касалась его руки, то всё в этом человеке становилось для неё явным.

Лиза тогда заперлась в своей комнате, стараясь пережить ужасное открытие. Как это понимать? Неужто она сумасшедшая? Она боялась страшной правды и отказывалась принять её. Но как сказать об этом сёстрам?.. Да и тётя слаба здоровьем... Впрочем, родным было не до Лизы, и её затворничества никто не заметил. В доме творилось такое, что скоро её видения показались княжне самым безобидным из всего случившегося. Начало положил приезд дяди. Василий Черкасский привёз в дом ужасное известие, что старший брат и опекун всех четырех княжон Алексей погиб под Бородино. Князь Василий сразу же сообщил, что он уже принял наследство своего племянника и, соответственно, стал опекуном племянниц. А потом случилось и вовсе непоправимое: новый опекун потребовал от старшей княжны, чтобы та дала согласие на брак с богатым стариком – трижды вдовцом. Когда же племянница отказалась, князь Василий зверски избил её, а старой няне, вставшей на защиту княжны, размозил голову кочергой.

Той же ночью Черкасские бежали. Старая графиня укрывала воспитанниц в имении своей подруги юности, Отрадном. Место показалось Лизе знакомым, хотя она точно знала, что никогда здесь раньше не бывала, но услужливая память вновь пролистала картинки, мелькавшие прежде. Она уже видела этот дом, когда держала руку взволнованной тётки! Да, именно такой – деревянный, с четырьмя колоннами и балконом. Больше убежать от себя самой не имело смысла, пришлось Лизе признать, что судьба послала ей странный дар. Вот только что с ним делать?.. И как с этим жить? Наконец Лиза собралась с духом и всё рассказала Долли.

Сестра ей не поверила. Более того, Долли испугалась. Лиза вновь и вновь повторяла, что совершенно здорова, просто может читать мысли людей и видеть картины из их будущего. Долли не возражала, даже как-то неуверенно поддакивала, но по её глазам было видно, что даже этот разговор она считает безумием. Лиза тогда обиделась и замолчала, а потом подумала, что, может, это и к лучшему. Вдруг эти видения больше и не повторятся?

Словно утверждая княжну в этой мысли, жизнь в Отрадном текла тихо и спокойно, и видения Лизу не беспокоили. Но они нахлынули вновь, как только Черкасские вернулись домой.

Бог спас Черкасских: почти через год после своего бегства они вдруг узнали, что брата Алексея объявили погибшим по ошибке, а на самом деле тот был лишь ранен, а сейчас воюет с французами уже в Европе. Ещё раньше убрался из чужих поместий князь Василий. Так что путь домой был открыт. Казалось, что всё теперь будет хорошо, но судьба рассудила иначе, и в Ратманове появился человек, принесший сёстрам Черкасским страх и отчаяние, а Лизе – ещё и жуткие видения.

Красивый отставной офицер унаследовал маленькое имение по соседству с Ратманово. Он принялся ухаживать за Долли и даже сумел вскружить ей голову. Напрасно предупреждала сестру Лиза, что в мыслях её кавалера – лишь зло и могильный холод, но Долли не верила. За это ей пришлось заплатить страшную цену: Долли тогда едва не погибла. С тех пор она

уже не сомневалась в даре сестры, но это уже ничего не могло изменить: жизнь Лизы рухнула окончательно. В ночь, когда насквозь промокшая Долли еле вырвалась из сгоревшего имения преступного ухажёра, к Лизе впервые пришёл дух. И это была её бабушка.

На заре Лиза проснулась от страшного холода. Это показалось ей странным, ведь в камине пылал огонь, а сама она была укрыта пуховым одеялом, но всё же зубы стучали, выбивая барабанную дробь, а руки и ноги тряслись. Ещё мгновение – и сердце Лизы сдавил ужас. Онемев, смотрела она, как из тёмного угла появилась полупрозрачная фигура. Та двигалась совершенно бесшумно, словно плыла по воздуху.

– Кто здесь?! – закричала Лиза, но вместо слов из её горла вырвалось странное бульканье, перешедшее в хрип.

– Не бойся, дорогая, это я, – послышался уже подзабытый голос и в полосу света вступила её покойная бабушка. Такая же, как всегда, – в своем любимом платье из лилового шёлка и кружевной наколке. Она нежно улыбнулась Лизе и призналась: – Я всё знаю. То, что случилось с Долли, уже не изменить. Вам просто придётся уехать отсюда, потому что преступник ускользнул от властей и теперь подбирается к дому. Но я пришла не только предупредить. Я хотела поговорить с тобой. Не бойся того, что происходит. Я давно знала, что ты унаследуешь семейный дар – как только впервые увидела твоё лицо, так и поняла. Только молчала до поры, чтобы не пугать ни тебя, ни твоих сестёр. Ты очень похожа на мою мать, обладавшую подобными талантами. Они служили матушке, пока та не вышла замуж и не познала мужчину. Ни у меня, ни у моих дочерей этого дара не было, я думала, что в нашей семье он больше не повторится, однако родилась ты... Лизонька, тебе придётся научиться с этим жить. Я знаю, что не сразу, но ты смиришься со своей особой судьбой. Конечно, тебе будет ох как непросто, но ты справишься. Подумай над моими словами и прими выбор providения.

Бабушка прощально махнула рукой, попятилась в тот же угол, откуда появилась, и растаяла в темноте. Лизу колотила дрожь, она еле сползла с кровати, потянув за собой одеяло, и доползла до горящего камина. До самого утра пролежала она у огня, закутавшись в одеяло, словно кокон, и лишь на рассвете перестала дрожать, а потом долго не могла опомниться.

Однако это оказалось лишь началом. Лиза могла бы ещё согласиться терпеть весь этот ужас из-за свиданий с матерью и бабушкой, но в её спальню проторили дорогу чужие – духи совсем незнакомых людей. Те сообщали княжне важные, по их мнению, вещи, с тем чтобы она при первой же возможности передала эти слова их близким. И каждый раз всё начиналось сначала: Лиза почти теряла сознание и погружалась в страшный, тяжёлый полусон-полуявь, а потом по нескольку часов не могла выбраться из этой чёрной ямы.

Последняя ночь стала той каплей, что переполняет чашу терпения. Уже привычный могильный холод разбудил Лизу задолго до рассвета. Окинув взглядом камин и увидев вполыхы огня над толстыми поленьями, она изо всех сил сжала в кулаки и приготовилась к худшему. Из самого тёмного угла выскользнула тень. Она стала проступать из сумрака, появились краски, и через мгновение перед Лизой уже стояла немолодая дама в голубом капоте и пышном кружевном чепце. Её лицо с пронзительно-яркими голубыми глазами было приветливо, но вместе с тем и величаво. Дама заговорила, и властные интонации в её голосе сразу выдали в ней царственную особу:

– Так вот какая дочка выросла у Черкасских! Однако ты – красавица. Правда, ни на кого не похожа: ни на родителей, ни на бабушку. Но бог с ним, нынче мне не до приятных бесед. Я сегодня пришла к тебе по очень важному делу. Завтра ты увидишь моего внука Александра. Тебе придётся ему помочь. – Заметив, что Лиза хочет ответить, дама лишь махнула рукой. – Не трать слова! Не сомневаюсь, что дочь Черкасских почтёт за честь послужить своему государю. Тебе нужно рассказать моему внуку, что уже через полгода его враг сбежит из ссылки, высадится на юге Франции, пройдёт через всю страну и без единого выстрела возьмёт Париж. Союзникам придётся вновь воевать с императором французов. Они победят, но сто дней будут

очень опасными. Передай то, что я сказала, Александру Павловичу, и не заботься о том, поверит он тебе или нет. Я всегда считала: «Кто предупреждён – тот вооружён».

Дама улыбнулась Лизе, её лицо сделалось необыкновенно притягательным, и княжне вдруг вспомнились рассказы бабушки о том, как любезна и обходительна была покойная императрица. Боже, так перед ней сама Екатерина II! Дама отошла в тот же угол, откуда появилась, и растаяла во тьме. Поняв, что она ушла, Лиза вздохнула и попыталась подняться. Но чёрная ледяная мгла вдруг навалилась на неё, и княжна в беспамятстве рухнула обратно на подушки. Когда она пришла в себя, за окном занималась заря. Лиза долго глядела на розоватые отблески в белесой голубизне неба, а с первыми лучами солнца приняла давно назревшее решение: нужно положить этому конец. Если единственный способ прекратить это общение с духами – потерять девственность, значит, она должна через это пройти.

Княжна уже давно размышляла о такой возможности, но всё никак не могла решиться. Боялась? Нет, скорее стыдилась, ведь ей пришлось бы самой навязываться мужчине. Она не раз пыталась поставить себя на место этого человека. Может, он просто испугается?.. Весьма вероятно. Лиза была слишком молода, к тому же из хорошей семьи, а это сразу порождало обязательства. Но этого категорически не хотела уже она сама.

Что же делать? Лиза знала, что больше так не выдержит. Теперь ещё и обморок! Да придёт ли она в себя в следующий раз? Уже понятно, что другого выхода просто нет и надо решиться. Но что делать с добрым именем, с честью, наконец? И как уговорить мужчину провести с ней ночь?..

Лиза вздохнула. Если только обмануть?.. Чтобы он не знал, кто она на самом деле, считал, что это часть какого-нибудь представления или игры. Решение было простым, но нечестным. Придётся врать, а Лиза этого не умела. Она представила, как покраснеет, словно рак, и всё провалит. Хоть маску надевай!

Но ведь у неё же есть маска! И даже целый наряд цыганки. Завтра все будут в маскарадных костюмах! Лиза аж задохнулась от восторга: дело складывалось на удивление ловко. Она притворится девушкой из табора, будет гадать. Никто не удивится – цыганку вполне могли позвать на праздник для развлечения гостей.

Решено: на балу Лиза выполнит поручение императрицы, а потом найдёт доброго и одинокого человека, не связанного словом ни с одной женщиной. Бог даст, и, если мужчина согласится, невыносимые муки наконец-то прекратятся.

Лиза забралась на подоконник и, усевшись поудобнее, долго наблюдала, как алые сполохи рассвета заливают безоблачное сентябрьское небо над английским поместьем её сестры. В свой семнадцатый день рождения Лиза твёрдо решила наконец-то изменить жизнь. И очень надеялась, что это у неё получится.

Глава третья. Бал-маскарад

Солнце праздновало вместе с Лизой – затопило всю комнату, залило теплом. Солнечный зайчик скользнул по обнажённым плечам княжны и заплясал в её светлых, почти седых волосах. Юная горничная уже расчесала эти лунные кудри на прямой пробор, сзади уложила в красивый узел, а сейчас закручивала вдоль щёк крутые локоны. Лиза разглядывала себя в зеркале – старалась понять, понравится ли мужчине?

Все Черкасские были высокими, а она – нет: так и не догнала старших сестёр, не поднявшись выше среднего роста. Зато фигурой удалась: тонкая и грациозная. Остальное тоже было не хуже, чем у других барышень: большеглазая, с овальным лицом и правильными чертами. Да и глаза – золотисто-карие, как говорила бабушка, «янтарные» – на фоне лунных волос казались особенно яркими.

Мысль о том, что слишком светлые, будто седые, волосы могут оказаться той приметой, по которой её потом узнают, встревожила Лизу. Разоблачение уж точно не входило в её планы. Впрочем, решение нашлось быстро. Волосы придётся полностью скрыть, да и маску лучше не снимать даже ночью. Как она это сделает, княжна представляла смутно, но надеялась что-нибудь придумать.

Легко постучав в дверь, вошла Долли. Вот уж кто точно ни за что не забыл бы о дне рождения. Сестра накинулась на Лизу, затормошила её, сжала в объятиях.

– Поздравляю тебя, моя душечка! Желаю, чтобы исполнились все твои самые заветные желания, а эти серьги пусть сделают тебя ещё красивее, хотя это уже даже и лишнее, ведь ты и так хороша необыкновенно, – заявила Долли и выложила на туалетный столик белую бархатную коробочку.

– Спасибо, за всё, что ты делаешь, и за то, что меня любишь. – Голос Лизы дрогнул, от волнения, и она испугалась. Не дай бог, Долли заметит! Если сестра встревожится, то не спустит с Лизы глаз, и всё тогда пойдет прахом. Но Долли лишь светло улыбнулась:

– Это нетрудно, ведь ты – это ты! – отозвалась она и предложила: – А теперь надевай серьги, я хочу посмотреть, что же получилось.

Лиза подняла крышку. На белом бархате переливались кровавыми огнями крупные овальные рубины. Сверху они крепились к бриллиантовым розеткам. Долли протянула руку и взяла одну из серёжек.

– Давай-ка, я сама надену, – предложила она и ловко вставила дужку в ухо сестры.

Лиза надела другую серьгу и посмотрелась в зеркало. Рубины в серьгах плавно качнулись вдоль щёк. Их цвет оттенил лунный блеск волос, а бриллианты в розетках поймали солнечные лучи и засверкали на мочках.

– Какая прелесть... Я так и думала, что тебе нужны именно рубины, – обрадовалась Долли. – А к твоему костюму цыганки крупные серьги очень даже подойдут.

Ну, кто ещё мог так быстро и точно найти любое решение? Только Долли. Вот кому природа послала всё и сразу. Конечно, сестра считалась признанной красавицей, и даже в их семье, где все женщины были очень хороши, рыжая Долли затмевала остальных, но Бог послал сестре ещё и сильный характер, и такую жизненную хватку, что равных ей просто не было. Долли в два счёта окрутила бы любого мужчину и уж точно не стала бы задаваться вопросом, какое производит впечатление. К счастью, при всех своих талантах Долли не была ясновидящей, чужих мыслей не читала и о планах Лизы не подозревала. Поняв, что её подарок оценен и с благодарностью принят, Долли успокоилась и побежала дальше – готовиться к сегодняшнему празднику.

– До вечера, встретимся на балу! – крикнула она уже в дверях.

– Обязательно, – отозвалась Лиза.

Она захлопнула крышку бархатной коробочки с серьгами и задумалась. Как ей избежать взглядов родных? Ни от Долли, ни от тёти за маской цыганки не спрятаться, а уж если и брат заметит Лизины маневры около мужчин, она сгорит со стыда. Одна надежда, что Алексей будет сегодня вечером сильно занят. Флигель-адъютанту Черкасскому придётся сопровождать своего командира – императора Александра Павловича. Одним сторожем меньше, а как обмануть Долли и графиню Апраксину, можно додумать уже на балу.

– У меня всё получится, – пообещала Лиза своему двойнику в зеркале и вдруг почему-то сама в это свято поверила.

В маскарадном костюме Лиза себе понравилась: красная юбка колокольчиком расходилась от тоненькой талии, белый муслин блузки открывал плечи, но прятал руки аж до кончиков пальцев. Ярко и в то же время строго. Красный, как и юбка, шёлковый платок был по краю обшит крохотными серебряными бубенчиками. Лиза повязала его, полностью скрыв волосы. Бубенчики чёткой дугой легли на лоб, а красный шёлк оттенил блеск рубиновых серег. Всё получилось так, как и задумано. Алая полумаска, пёстрая индийская шаль, вот вам и цыганка... Взяв в руки бубен, Лиза вышла в коридор.

Навстречу ей уже спешила тётушка в костюме русской боярыни.

– Как хорошо, что ты уже готова! Император Александр, оказывается, прибыл раньше, чем ожидалось. Поспешим!...

Лиза подхватила тёткин локоть, и они побежали к лестнице. Прокрутившись серпантинном, ступени лестницы привели их к дверям зеркального бального зала. Разглядывая публику, графиня остановилась у входа, а Лиза бочком проскользнула в зал и нырнула за ближайшую колонну. Тут она перевела дух и огляделась.

Статный голубоглазый блондин в чёрном мундире медленно продвигался вдоль шеренги гостей. За его плечом Лиза заметила брата Алексея с женой и российского посла графа Ливена с супругой. В том, что блондин в чёрном мундире и есть российский император, сомневаться не приходилось.

«Вот он, значит, каков Александр Павлович! И совсем-то не похож на свою бабушку», – размышляла Лиза.

С противоположной стороны зала, параллельно с русским государем, двигался высокий тучный мужчина в чёрном фраке. За ним шли Долли с мужем и несколько мужчин, которых Лиза не знала. Это был второй августейший гость – некоронованный правитель Англии, принц-регент Георг. Зрелище оказалось необычайно эффектным: по мере приближения царственных особ гости в пёстрых маскарадных костюмах почтительно снимали маски, а потом вновь надевали их на лица.

Решив, что для начала ей надо найти русских, Лиза выскользнула из своего убежища и пошла вдоль стены. К счастью, хозяин дома дал сигнал оркестру, и начались танцы. Теперь всеобщее внимание было обращено на танцующих монархов. Вот он – долгожданный момент! Княжна быстро поняла, что русские собрались в дальнем конце – около колонн. Осталось туда пробраться и найти наконец своего единственного мужчину. Лиза прислушивалась к голосам и старалась понять, что за люди прибыли в свите российского императора. Но разговоры оказались самыми банальными. Офицеры обсуждали лошадей, карты и свои романы с актрисами. Два дипломата спорили о разделе Европы на Венском конгрессе, но это показалось Лизе слишком сложным. Вдруг за её плечом раздался весёлый молодой голос, а произнесённые слова звучали так интригующе:

– С нашей молодой хозяйкой я познакомился на ниве благотворительности, мы жертвовали деньги на один и тот же храм в Москве. Тогда герцогиня разыграла меня, щеголяя в русском сарафане, и только в Лондоне я узнал, что эта прелестная барышня – светлейшая княжна Черкасская.

Долли как-то упоминала об этой истории, вспомнила Лиза. Сестра рассказывала ей о раненом офицере. Объявила его хорошим и добрым человеком, даже имя называла. Только вот какое?

Княжна пододвинулась поближе к офицеру в уланском мундире и постаралась его рассмотреть. Тот оказался высоким и ладным, густая каштановая грива (явно длиннее, чем требовала мода) крупными кольцами ложилась на воротник его мундира. Офицер был в полумаске. Чёрный шёлк оставлял открытыми лишь подбородок и резко очерченный крупный рот, а в прорезях маски весело блестели синие глаза. Приятель сестры был явно хорош и Лизе сразу понравился. Значит ли это, что она нашла своего героя? Шагнув к улану, княжна легонько коснулась его руки. Офицер сразу обернулся.

– Что тебе, милая? – ласково спросил он по-английски. – Ты хочешь мне погадать?

– Да, сэр, – подыграла ему Лиза, – позвольте вашу руку.

Она взяла двумя руками протянутую ладонь графа и тут же ощутила его прикрытые бравадой грусть и одиночество, а ещё услышала имя – граф Михаил Печерский. В голове Лизы, сменяя друг друга, замелькали яркие картины: бой, потом тёмная комната и жуткая безысходность, отчаяние, мысли о смерти, затем огромный зал, похоже, театр, и последним мелькнуло видение маленького храма. Перед иконостасом стоит женщина, а рядом с ней граф. Почему-то Лиза сразу поняла, как долго искал он свою спутницу и как рад тому, что нашёл.

– Ну, и что же ты видишь на моей ладони, красавица? – спросил улан.

Лиза опомнилась. Сказать или нет? Может, соврать? Но тогда придётся выкручиваться, а этого она не умеет... И Лиза рассказала о том, что увидела в своих видениях:

– Вы полюбите женщину, которую потом потеряете и будете долго искать. Но вы найдете её... В храме.

Боясь новых вопросов, Лиза отпустила руку графа и отошла. Свой выбор она сделала, теперь осталось главное: выполнить просьбу покойной императрицы и предупредить её внука. Сама удивляясь собственной отчаянной смелости, Лиза пробралась к группе гостей, окруживших государя, и, выступив вперёд, сказала по-английски:

– Ваше императорское величество, позвольте бедной цыганке погадать вам.

Не дожидаясь ответа, она схватила руку императора и... ничего не почувствовала. Александр Павлович, как видно, совсем не волновался. Он был спокоен, а значит, не доступен для Лизы. Значит, нужно просто передать императору слова его бабушки.

– Я вижу, что ваш самый главный враг – он сейчас находится в ссылке – через полгода высадится на юге Франции, пройдет через всю страну и без единого выстрела займет Париж, – пробормотала Лиза и уже громче закончила: – Вы победите, но сто дней будут очень тревожными!

Лиза отпустила руку императора, скользнула за спины оторопевших офицеров свиты и, перебежав зал, нырнула в открытую из-за жары дверь террасы. В надежде, что её не догонят и она наконец-то будет свободна от обязательств, Лиза кинулась в тёмный сад. Бог спас: никто из зала не вышел, никто не стал искать навязчивую цыганку. По лестнице для слуг Лиза вернулась в дом и, поднявшись на второй этаж, прошла в то крыло, где разместили гостей. Дворецкий прикрепил на дверях карточки с именами. Листочек с надписью: «Граф Печерский» нашёлся в самом конце коридора. Толкнув ручку двери, княжна поняла, что комната не заперта.

Войдя, Лиза огляделась: вещей графа не было видно, чувствовалось, что гость сюда ещё не заходил. В гардеробной нашёлся небольшой саквояж с инициалами «М.П.». Решив дождаться Печерского в его комнате, Лиза подошла к окну и, приоткрыв створку, стала наблюдать за гостями. Теплая летняя ночь нежила разукрашенный фонариками сад. Перед домом в полосатых шатрах устроили для гуляющих буфет, и пары, не желавшие танцевать, разбрелись по саду, изредка возвращаясь, чтобы вновь наполнить бокалы.

Наверно, ей тоже надо бы немного выпить. «Так, чуть-чуть для храбрости», – размышляла Лиза. Она подошла к маленькому столику у камина и, открыв графин с бренди, выбрала на подносе один из двух бокалов. Гадая, сколько же нужно выпить, чтобы уж совсем ничего не бояться, Лиза щедрой рукой плеснула себе с полстакана жидкого пахучего янтаря и вернулась к окну, где вновь продолжила свои наблюдения. Обжигающий нёбо и язык бренди она попила маленькими глоточками.

Окно стало для Лизы ложей театра, всё действие разворачивалось прямо перед её глазами, как на сцене: после ужина отбыл император Александр, за ним уехал принц-регент, потом до Лизы донеслось пение – в зале исполняли арии Моцарта. Ещё через час гости стали выходить из дома и выстраиваться прямо под окнами. «Фейерверк», – догадалась княжна. Все вышли смотреть фейерверк.

Лиза тоже уселась на подоконник и сполна насладились грандиозным зрелищем летающих в чёрном ночном небе разноцветных огней. Это оказалось сигналом к окончанию праздника. Гости стали возвращаться в дом, а следом в коридоре зазвучали голоса. Говорили по-русски. Дверь распахнулась, и теперь Лиза уже не могла спрятаться в гардеробной, как хотела прежде. Остался единственный выход – притаиться за шторой. Собеседники в дверях всё говорили. Наконец граф пожелал кому-то спокойной ночи и вошёл в комнату.

Затаив дыхание, слушала Лиза его шаги и пыталась определить, что он сейчас делает. Щель между шторами явно посветлела, значит, граф зажёл свечи. Потом послышались звон стекла и плеск льющейся в бокал жидкости. «Сейчас Печерский вспомнит, что бокалов было два и начнёт искать непрошеного гостя», – ужаснулась Лиза.

Но ничего не случилось, раздался звук отодвигаемого по паркету кресла, а потом наступила тишина, и только плеск подливаемого бренди говорил о том, что граф ещё не спит.

Время тянулось бесконечно. Нога у Лизы затекла. Чуть пошевелившись, она устроилась поудобнее и бесшумно поставила свой бокал, прижав его к оконному стеклу, чтобы не опрокинуть. Бессонная ночь, волнение и изрядная порция бренди дали себя знать, и, закрыв от усталости глаза (как она считала, всего на минутку), Лиза провалилась в мягкую вату сна. Она почему-то больше не стеснялась ни своих планов, ни графа Печерского.

Глава четвёртая. Алая полумаска

Ротмистр лейб-гвардии Уланского полка граф Михаил Печерский больше всего на свете боялся жалости. Поэтому и носил маску весельчака, а среди друзей-офицеров старался прослыть «баловнем судьбы». Но, оставаясь наедине с собой, граф честно принимал печальную истину: как всё началось, так и закончится. Наверно, судьба у него такая – прожить одиночкой. Так было в детстве и в юности. Так с чего же что-то должно измениться в зрелости?

Самым нежным воспоминанием в жизни Михаила была маменька. Графиня Софья обожала своего единственного ребёнка. Вторая жена знаменитого московского бонвивана и светского льва графа Пётра Гавриловича, она была двадцатью годами моложе супруга и вдвое богаче его, к тому же родила семье долгожданного наследника. Но это не принесло бедной женщине счастья. Веселый, добродушный и щедрый, её супруг имел лишь один недостаток: он любил женщин и легко переходил из одной постели в другую. Подруги графини с самыми благими намерениями сплошь и рядом открывали несчастной женщине глаза на измены её горячо любимого мужа, и постоянное отчаяние довело бедняжку до болезни. Она много плакала. Потом перестала выходить из комнаты, где сидела в темноте, не разрешая открывать окна и зажигать свет. Когда её сыну исполнилось пять, графиня слегла и тихо сошла в могилу от болезни, название которой – «разбитое сердце» – доктора так и не решились произнести вслух.

Оставив наследника на попечение няни и гувернантки, Пётр Гаврилович кинулся искать утешения в объятиях женщин. Он менял пассий даже чаще, чем при жизни супруги, боясь вновь угодить в брачный капкан. Но всего рассчитать не смог. Молодая ловкая вдова доктора Шмитца соблазнила графа прямо на одном из балов, предложив себя в небольшой комнате, примыкавшей к танцевальному залу. Подвыпивший светский лев так распалился от ласк опытной интриганки, что не устоял и, задрав доступной вдове юбку, попытался овладеть ею тут же на узеньком золоченом диване. В самый неподходящий момент, когда граф уже находился в полной боевой готовности, в комнатку «случайно» заглянули две почтенные вдовы и подняли страшный крик. На их вопли сбежалась половина гостей, и разгневанный хозяин дома потребовал объяснений. Графу ничего не оставалось, как объявить о скором браке с ловкой вдовой, а уж общество проследило, чтобы он не смог отказаться от своего обещания. Так у Миши появилась мачеха.

Новую графиню Печерскую звали Саломеей, хотя крещена она была в маленькой церкви высокогорного кавказского села, как Саломия, в честь матери апостолов Иоанна и Иакова. Но в России, куда девочку отослали после смерти отца, буквы в её имени как-то сами собой поменялись, и постепенно все стали называть её именем иудейской царевны, попросившей от царя Ирода голову Иоанна Крестителя. Может, роковое имя наложило свой отпечаток на юную Саломею, или она такой родилась, но, прозябая в приживалках в доме у дальней родни, девушка твёрдо решила, что «выбьется в люди», и в пятнадцать лет соблазнила соседа-доктора.

Яркая красота черноглазой брюнетки так поразила флегматичного Иоганна, происходившего из почтенной немецкой семьи, что он тут же женился на Саломее и с тех пор преданно её любил. Она же, родив сына Серафима и почувствовав себя хозяйкой дома, успокоилась. Но потом вдруг осознала, что муж-доктор, хоть и служил профессором в университете да к тому же имел обширную практику, всё-таки к сливкам общества не относился. Сделанное открытие потрясло Саломею. У неё был только один шанс – и она потратила его впустую. Женщина уже не вспоминала ни о холодной камерке под лестницей, ни об обноскиках, достававшихся ей после троюродных сестёр; теперь ей казалось, что умный и добрый доктор, которого вся Москва превозносила как самого лучшего специалиста по лёгочным болезням, обманул её.

– Ты украл мою жизнь! – кричала Саломея в лицо мужу. – Что ты можешь мне дать? Я – княжна, а ты – ничтожество.

Иоганн терялся. Ему ведь было невдомёк, что в каждом кавказском ауле сидел свой «князь», у которого имелось с десятков родных и три десятка двоюродных братьев, а прочей родни было и не сосчитать, и всё это скопище полунищих деревенских жителей вместе со своим голодным потомством гордо именовали себя князьями и княгинями. Иоганн принимал претензии жены за чистую монету и ужасно страдал от собственного несовершенства.

Саломея превращала жизнь мужа в ад, вымещая на нём снедающее её раздражение от собственного промаха, и опомнилась лишь тогда, когда в их большую квартиру на Мясницкой привезли умирающего Иоганна. Бедный доктор так спешил вернуться к своей ненаглядной Саломее с вызова в богатое подмосковное имение, что неустанно погонял лошадей. На повороте дороги колесо попало в глубокую выбоину, и коляска опрокинулась, а Иоганн разбил голову о камни. Не приходя в сознание, он скончался на глазах притихшей жены, оставив после себя значительное наследство. На эти деньги Саломея могла бы безбедно жить всю оставшуюся жизнь, но она рассудила иначе. Получив доступ к наследству, вдова доктора Шмитца щедрыми подарками купила себе дружбу высокородных, но обедневших дам и, получив с их помощью приглашения на балы и приемы, озаботилась поисками достойного мужа.

Вдовец Печерский казался легкой добычей. Две недели соблазняла Саломея стареющего Аполлона, уводя его из зала и уединяясь с ним в тёмных уголках коридоров. Когда же граф приохотился к этой опасной и возбуждающей игре, Саломея посулила своим «подругам» немалые деньги и устроила разоблачительную сцену. Она получила мужа, но вместо радости новоявленную графиню ждало разочарование. Новобрачный не стал мучиться и переживать свой позор: сразу же после венчания он отправил свою третью жену в ярославское имение, велев той заниматься воспитанием детей – маленького графа Михаила и её собственного сына – Серафима.

Взбешенная Саломея попыталась объяснить, потребовав от мужа «достойного образа жизни», но граф равнодушно сообщил супруге, что самая достойная жизнь для замужней дамы – ведение хозяйства и воспитание детей. С тех пор Саломея безвыездно жила в деревне, вымещая своё раздражение на Серафиме и его ровеснике Михаиле. Властный и жёсткий характер графини не смягчился даже тогда, когда она родила ещё одного сына, Ивана, или Ваню, как она его называла. Всё стало только хуже: Михаилу даже показалось, что они с Серафимом раздражают Саломею уже тем, что просто дышат. Зато оба мальчика сплотились против общей беды и крепко подружились.

За десять лет Михаил и Серафим прошли все круги ада. Саломея, обожавшая своего младшенького, завела манеру постоянно ставить Ваню в пример старшим мальчикам. Мать считала капризно-грубые ужимки своего любимчика проявлением мужского характера, а старшего сына и пасынка именовала не иначе как «размазнями» и «бестолочами», ни к чему не годными в этой жизни. Она изводила обоих, высмеивая и критикуя, отравляя им жизнь, затаптывая в грязь, как когда-то поступала с беднягой Иоганном. К счастью, граф Пётр Гаврилович вдруг вынырнул из круговорота столичных удовольствий и вспомнил об образовании своего наследника. Он послал за сыном, чтобы определить пятнадцатилетнего Михаила в частную московскую школу с прицелом на университет. Однако из имения приехали двое. С изумлением взирал постаревший граф на своего юного наследника, когда Михаил с твёрдостью взрослого заявил, что вместе с ним будет учиться и Серафим. Иначе – никак!

Пётр Гаврилович вышел из положения, оплатив учебу Серафима на разночинном отделении университетской гимназии, а сына устроив в благородный пансион при том же университете. После чего граф счёл дело улаженным, нашёл обоим юношам достойных опекунов, а сам отбыл в Петербург.

Михаил попал в дом к кузену своей матери статскому советнику Вольскому, а Серафима забрал к себе его родственник по отцу, тоже врач, Франц Шмитц. Только попав в дружную семью дяди, молодой Печерский понял, с какой теплотой могут относиться друг к другу род-

ные люди. В Москве Михаил начал оттаивать, научился улыбаться, а потом даже смеяться и шутить. Дядю он просто обожал и помогал тому во всём, став преданным другом и помощником Вольского.

Годы пролетели быстро, и пришла пора поступать в университет. Михаил выбрал математический факультет, а Серафим – медицину. Оба друга оказались способными и курс окончили с блеском, но дальше их пути разошлись: молодой граф, как и большинство его ровесников из родовитых семейств, захотел служить в гвардии, а Серафим решил стать ассистентом Франца Шмитца. Старый Печерский, одобливший выбор сына, выхлопотал место в лейб-гвардии Уланского полка, и Михаил отправился в Петербург.

Офицеры его полка съехались со всей огромной страны, никто никого не знал, все бравировали своей знатностью, богатством и успехом у женщин. Михаил за полгода до назначения получил наследство матери. Денег он больше не считал и сразу же прослыл среди уланов «богатеём». Яркая внешность принесла Михаилу мгновенный успех у женщин, а графский титул открыл для него двери обеих столиц. Все его товарищи-уланы были уверены, что Мишель Печерский – «баловень судьбы», а он поддерживал их в этом мнении, опасаясь, что всплывёт постыдная правда о его несчастном детстве.

Михаил веселился на армейских пирушках и танцевал на балах, храбро сражался в битвах начавшейся войны и заводил любовниц. Но ощущение того, что на самом деле он одинок, и, если вдруг погибнет, никто, кроме дяди и Серафима, по нему не вздохнет, никогда не покидало того блестящего офицера, каким стал Михаил Печерский.

В этом английском поместье, куда занесла его непредсказуемая военная судьба, граф попивал хороший бренди, глядел на огонь в камине и думал о том, что, как видно, от судьбы не уйдёшь. Женщин у него хватало, он менял их, как перчатки, и всё никак не мог насытиться. Вспомнив разбитое сердце матери и своё мрачное детство, Михаил пообещал себе никогда не брать грех на душу и не поступать, как отец. Его уделом должны стать лишь доступные женщины, те, кто хочет денег, не претендуя на большее. Печерский не хотел тесных связей. Боялся, что отцовская кровь возьмёт верх и он не сможет отказать себе в искушении.

Но слова гадалки поколебали твёрдые намерения Михаила. Что это за женщина, которую он потеряет, а потом будет долго искать?.. Девушка в красной полумаске явно говорила о сильном чувстве, иначе кто же в здравом уме станет тратить время и силы на поиск? Что за странное предсказание?

Цыганка и сама была странной: простая чёткая речь делала её непохожей на светских дам, пересыпающих фразы цветистыми оборотами. Скорее всего, она и впрямь была той, за кого себя выдавала, – гадалкой. Михаил слышал, что в Англии так принято: таборные цыганки развлекают гостей танцами и песнями на званых вечерах. Ну а где цыгане, там и предсказания судьбы... Но что-то в этой цыганке было не то.

«Она вела себя как равная, – вдруг понял Михаил, – держалась свободно. Ходила по залу одна – ни кавалера, ни старшей дамы рядом с ней не было. Она – актриса! Так свободно на публике себя чувствуют лишь актрисы», – догадался Михаил.

Поняв, что предсказание лжецыганки было только игрой, он успокоился, поставил на столик уже пустой бокал и отодвинул графин. Хватит пить. Завтра в дорогу.

Откинув на кровати одеяло, Михаил поправил подушки и сел, снимая сапог. Лёгкий перезвон – нежный, хрустальный, как будто соприкоснулись бокалы во время тоста – привлёк его внимание. Похоже, что звук шёл из-за тяжёлой бархатной шторы, закрывавшей одно из двух окон спальни. Михаил поднялся и, легко ступая, подошёл к гардине. Раздвинув бархатные складки, он обомлел: юная цыганка, так долго занимавшая нынче вечером все его мысли, заснула, сидя на подоконнике в чужой спальне.

Уставшей бабочкой распласталась на подоконнике алая полумаска, рядом застыл бубен, и теперь уже ничто не мешало рассмотреть лицо гадалки. Девушка оказалась совсем юной,

Михаил не дал бы ей больше шестнадцати. Овальное лицо во сне казалось по-детски нежным, идеальными дугами легли на гладком лбу светло-русые брови. Ресницы, оттенком чуть темнее бровей, замерли на порозовевших щеках. Этот нежно-розовый мазок на скулах в Британии называют «английской розой». Что ж, надо признать, актриса вполне соответствовала этому определению. Вот только рот – большой, ярко-розовый, с квадратной нижней губой – не вязался с юным обликом незваной гостьи, выдавая её истинную сущность.

«Ну конечно, это ведь игра, за барышню больше дают», – сообразил Михаил.

Вновь зазвенело стекло. Рядом с актрисой, почти касаясь окна, стоял бокал с остатками бренди. Похоже, незнакомка, не отказала себе в удовольствии выпить. Что же, посланный дамой сигнал был простым и понятным: она захотела заработать, проведя ночь с богатым иностранцем. Михаил не возражал. Наоборот, он этого жаждал! Его знакомство с англичанками пока ограничилось субреткой из Ковент-Гарден, та показалась графу холодной и пресытившейся куклой. Может, эта молоденькая гадалка улучшит его мнение о здешних дамах?

Порывшись в кармане, Михаил вытащил пригоршню золотых гиней. Пересчитал. Их оказалось ровно десять. Граф сложил их в стопку на столике у кровати и вернулся к окну. Он осторожно, чтобы не разбудить гостью, раздвинул шторы и вгляделся в лицо гадалки. Судя по светлым бровям и бело-розовой коже, актриса на самом деле была блондинкой. Легко коснувшись края красного платка, Михаил сдвинул шёлк со лба незнакомки. Он не ошибся: волосы гадалки оказались необычайно светлыми, серебристо-пепельными.

«Какой необычный оттенок! Прямо экзотика: седая цыганка», – размышлял граф. Приключение нравилось ему всё больше и больше. Михаил полностью стянул платок, и красный шёлк соскользнул, открыв прямой пробор и крутые локоны, закрученные у щёк. Голова девушки склонилась набок, как будто нарочно (а может, и впрямь нарочно) показав во всей красе великолепный профиль. Граф оценил безупречную форму маленького прямого носа и изящную линию твёрдого подбородка, переходящего в лебединую шею. Какой подарок! Судьба послала ему истинную красоту! Теперь оставалось лишь одно – насладиться ею. Михаил подхватил актрису на руки и понёс к постели, она легко вздохнула, но глаз не открыла.

Вот как, значит? Она хочет игры? Ну, что же, каприз женщины – закон для мужчины. Присев на кровать рядом с гостьей, Михаил быстро разделся и лёг рядом. Актриса не пошевелилась, тогда он потянул за узел её атласного кушака. Потом последовал черед широкой шёлковой юбки и белой блузки. Девушка ровно дышала, притворяясь спящей. Даже интересно, насколько её хватит? Или она собирается до утра ломать комедию? Оставив на гостье лишь белые чулки, граф приподнялся на локте, разглядывая незнакомку.

Он явно ошибся, дав девушке шестнадцать, – ей было по крайней мере на год больше. Об этом опытному взгляду сказали уже развившаяся грудь и красивый изгиб бедер. Ноги незнакомки оказались безупречными – с тонкими лодыжками и круглыми коленями. «Цыганочка» была лакомым кусочком.

Кончиками пальцев Михаил погладил её грудь, а потом поцеловал приоткрытый рот. Губы девушки пахли бренди. Какая прелесть! Смесь порока и невинности! Желание полыхнуло огнем, забурлило в каждой жилке, и Михаил усилил натиск. Его рот накрыл розовый сосок, а пальцы скользнули между бедер актрисы. Граф вложил в ласку всё своё искусство и достиг цели: красавица тихо застонала и чуть заметно подалась навстречу его ласковым пальцам.

– Открой глаза, милая, – попросил Михаил, – дай мне их увидеть.

Ресницы послушно поднялись, и на графа уставились глаза цвета того самого бренди, вкус которого он только что уловил на губах актрисы. Да, такого он точно никогда не видел! Поистине, райская птичка залетела тёплой летней ночью в его постель. Кровь вскипела в жилах, и Михаил вновь припал к теплым и таким вкусным губам. Он слизывал бренди с языка своей актрисы, а её белая, как молоко, грудь показалась Михаилу сладкой. Проложив дорожку из поцелуев по животу, он развел её бедра.

Тонким инстинктом опытного любовника граф оценил и дрожь «цыганочки», и ту страстную готовность, с какой она открывалась навстречу ласкам. Ещё мгновение – и любовница «улетит к звёздам» одна. Михаил накрыл губами губы актрисы и вонзился во влажную теплоту женского тела. Боже, какое же это оказалось блаженство! Два гортанных стонов слились в один, и графу показалось, что они, обнявшись, вознеслись в райские кущи...

Михаилу было так хорошо, что не хотелось даже шевелиться. «Это не по-мужски, – мысленно пристыдил он себя. – Надо проявить заботу о даме». Он приподнялся на локте, пытаясь разглядеть лицо своей «цыганки». Она спала – действительно, без притворства. Ресницы не трепетали, и дышала ровно. Повернувшись на бок, граф прижал красавицу к себе и вдохнул чуть различимый аромат её серебристых волос. На плече актрисы крохотной бабочкой темнело родимое пятнышко.

«Как похоже на алую полумаску, – оценил он. – Вот ещё одно лишнее подтверждение, что это – спектакль». Незнакомка с экзотическими глазами цвета бренди подарила графу Печерскому незабываемое представление. Честь ей и хвала!

Михаил поцеловал приоткрытый рот, но «цыганочка» ему не ответила. Пусть спит!.. «Как же приятно лежать с ней рядом», – успел подумать граф и тоже заснул.

Глава пятая. Ковент-Гарден

Надо отдать должное: октябрь в Лондоне – пора очень даже приятная. Уже не жарко, но и не холодно, дожди, конечно же, идут чуть ли не каждый день, но быстро затихают, и тогда сквозь низкие облака проглядывает ещё по-летнему яркая, насыщенная голубизна.

«Может, поездка ещё и окажется приятной», – уговаривала себя фрейлина Орлова. Дайто бог, хотя до настоящего времени надежд на это почти было. Но тёплый вечер казался таким умиротворяюще-приятным, да и опера, которую собиралась слушать Агата Андреевна, ей очень нравилась. Ну, а про примадонну – блистательную Джудитту Молибрани – и говорить было нечего: кто в Лондоне не захотел бы услышать её в «Танкреде»?

Российское посольство прислало Агате Андреевне билет на премьеру. Всё было сделано так, как она попросила, но фрейлину не покидало ощущение, что дипломаты так и не смогли понять, зачем им навязали заботу об уже не очень молодой, одинокой и, похоже, совсем незнатной женщине. Мало ли что она – придворная дама! При дворе много народа крутится – от министра до белошвейки. Так что же, им всем теперь вояжи в Лондон устраивать? Орлова читала эти резоны на высокомерных физиономиях молодых чиновников, оставленных в посольстве после отъезда всего начальства на конгресс в Вену. Впрочем, её это особо не трогало, и фрейлина не собиралась ничего объяснять этой зелёной дипломатической молодёжи. Пока те выполняли всё, что от них требовалось – встретили, приготовили квартиру и пообещали исправно поставлять билеты на спектакли и приглашения на приёмы, которые Орлова захочет посетить. Сегодняшний билет в Ковент-Гарден был первым. Правда, дело здесь было отнюдь не в опере, Агата Андреевна собиралась наблюдать за другой героиней. Её интересовала Шарлотта, принцесса Уэльская.

Когда императрица-мать затеяла тот памятный секретный разговор, Орлова не поверила своим ушам.

– Агата, я поручаю вам будущее моего сына, – безапелляционно заявила Мария Фёдоровна. – Я должна принять главное решение в своей жизни и, конечно же, не ошибиться. Моим старшим сыновьям жён наша не мать, а бабка, что из этого получилось, вы прекрасно знаете. Но судьбу Николая император доверил мне. Я должна сама выбрать невесту, но в этом деле мне нужны помощники. Я рассчитываю на вас. Поезжайте в Лондон, поселитесь где-нибудь как частное лицо и, не привлекая к себе внимания, понаблюдайте за наследницей английского престола. Эту принцессу, по общему мнению, Бог наградил очень сложным характером. Она, похоже, осталась вовсе без воспитания. Но ведь во всём важна грань: непоправимо – или нет... Я слышала, что Шарлотта добра сердцем, а это в семейной жизни может искупить всё остальное.

– Но мне говорили, что она сосватана за наследника престола из Нидерландов, – удивилась Агата Андреевна.

– Долли Ливен уже всё устроила, – усмехнулась императрица. – Вильгельм Оранский – слишком сладкий кусок, чтобы я отдала его Англии. Я уже заполучила этого жениха для моей Аннет: конечно же, пока только на словах, но его отец дал согласие.

Ну и ну! Отнять жениха у наследницы британской короны! В этом была вся «железная матушка», как за глаза называли государыню в царской семье. Да и графиня Ливен – любимая воспитанница императрицы, десять лет проходившая в ранге её самой доверенной фрейлины, а нынче ставшая супругой посланника в Лондоне – была настолько остра умом и ловка в интригах, что уже перестало быть секретом, кто на самом деле блюдет российские интересы на Британских островах. Путаться под ногами у этой могущественной дамы было крайне опасно, но и с императрицей спорить не приходилось. Да уж! Прежде чем лезть в такой переплёт, надо бы осторожно прощупать почву, и Орлова осведомилась:

– Ваше императорское величество, там, где действует графиня Ливен, помощники не нужны. Не испорчу ли я её планы?

– Долли уезжает на конгресс в Вену, там она будет нужнее, – отрезала Мария Фёдоровна. – Да к тому же она уже всё сделала – смогла внушить принцессе Уэльской антипатию к жениху, а потом научила, какие требования включить в брачный контракт, чтобы его подписание стало невозможным. Если Долли вновь станет крутиться вокруг Шарлотты, принц-регент решит, что мы всё это подстроили нарочно, чтобы переманить жениха в Россию. Теперь следует действовать тонко. Я хочу знать, так ли разрушительны свойства характера принцессы Уэльской, чтобы их невозможно было обуздать? Способна ли она стать женой, а самое главное, матерью? Нет ли в ней зерна безумия, овладевшего её дедом? Слишком много вопросов, но на кону стоит поистине историческая возможность для моей семьи: посадить родных братьев на английский и российский трон, а значит, перекроить карту Европы и навсегда изменить её политику.

Мария Фёдоровна возбужденно расхаживала по будуару, глаза её сияли, она даже порозовела. Не было сомнений, что открывшаяся перспектива полностью захватила императрицу. Это могло бы стать её триумфом, тогда и история с замужеством великой княжны Анны приобрела бы благородный оттенок. Забрали менее знатного жениха, чтобы предложить британской наследнице Николая Павловича. Великий князь был очень хорош собой, и Орлова не сомневалась, что английская принцесса падёт под напором его обаяния.

Дело и впрямь оказалось эпохальным. Агата Андреевна покорила воле императрицы и на следующий же день выехала в Лондон. Сегодня она надеялась впервые увидеть принцессу Уэльскую, вот только от впечатления, что сидит на пороховой бочке и держит в руке зажжённый фитиль, фрейлина избавиться так и не смогла. Впрочем, был шанс хотя бы подсластить себе пиллюлю – развеяться и получить удовольствие от оперы.

«Танкреда» – последнее творение молодого композитора Россини, по которому в последний сезон сходил с ума вся Европа, давали на итальянском. По большому счету, Агате Андреевне было всё равно: она не знала ни английского, ни итальянского, но последний язык казался ей намного мелодичнее. Впрочем, если вслушаться, и английский тоже был неплох. Орлова уже привыкла к его интонациям. Ей так нравилось это ощущение непонимания. Словно бы одиночество в толпе. Ты никого не понимаешь, но ведь и все вокруг не понимают тебя, а значит, нет ни правил, ни запретов, и ты, по большому счёту, свободна.

За столь философскими размышлениями Агата Андреевна добралась до Ковент-Гарден и, пока публики было не слишком много, поспешила занять своё место в ложе бельэтажа. Её кресло, как и планировалось, оказалось в первом ряду, именно на том расстоянии от королевской ложи, чтобы фрейлина смогла хорошо рассмотреть принцессу Шарлотту. Орлова устроилась в кресле, аккуратно расправила юбки и положила на барьер маленький веер.

Публика постепенно заполнила зал. В партере почти не осталось свободных мест, да и ложи были уже полны. Агата Андреевна вдруг поняла, что дам в театре оказалось больше, чем мужчин. Шум голосов всё нарастал и наконец смешался в один сплошной гул. Он, не касаясь, обтекал Орлову. Хитросплетения чужого языка не задевали фрейлину: её как будто и не было в этом чужом месте, для всех она была невидимкой. Одинокая и свободная, Орлова принадлежала лишь самой себе. Но вдруг всё закончилось: прямо над её головой – в ложе первого яруса – заговорили две женщины. Может, им захотелось сохранить свой разговор в тайне от окружающих? Кто знает... Но говорили они по-русски. Соотечественницы?.. Да, именно так, ведь прозвучавшее имя «Лиза» не оставляло никаких сомнений.

– Лиза, не обижай моего деверя, пойдёшь с ними, – попросила свою младшую сестру герцогиня Гленорг.

Лиза почувствовала себя виноватой. Она опять ушла в свои привычные мысли и всё прослушала. Теперь это случалось с ней постоянно. Близкие даже обижались, считая Лизу невнимательной. Но как же могло быть иначе? Если теперь она думала лишь о своём синеглазом графе.

Сбежав на рассвете из спальни Печерского, Лиза смогла увидеть его ещё только раз, и то из окна: граф прощался на крыльце с хозяевами дома. Печерский казался растерянным и долго о чём-то расспрашивал Долли. Этот разговор имел для Лизы серьёзные последствия: она еле отвертелась от расспросов сестры, пожелавшей узнать, почему это граф Печерский так настойчиво расспрашивал её о девушке в костюме цыганки.

– Я просто погадала ему, рассказав то, что мне открыла его рука, – нашлась Лиза.

После истории с предсказанием императору Александру, за которую Лизе попало и от брата, и от тётки, и от самой Долли, её ответ сестру уже не удивил. Так Лиза избежала разоблачения и с тех пор стойко хранила свою тайну. Впрочем, это оказалось совсем не сложным, ведь Долли увлеклась любовным романом с собственным мужем, а остальным было не до Лизиних мечтаний – в доме собирались в дорогу. Черкасских ждали на Венском конгрессе.

Первыми уехал Алексей – флигель-адъютант императора, он отплыл в месте с государем. Оставив маленького сына на попечение тётушки Апраксиной, спустя неделю отправилась в Вену и жена Алексея, Катя. Было очень заметно, что она не находит себе места от беспокойства: Катя ещё ни разу не расставалась с сыном, да к тому же скоро должны были уехать и те, на кого она, не задумываясь, могла бы оставить ребёнка. Её подруга и помощница Луиза де Гримон, тоже живущая в доме Черкасских, собиралась в Париж, где её племянницу Генриетту ждало наследство казнённого во времена революции отца. Это дело могло затянуться чуть ли не на год, так что выхода у Кати всё равно не было, и ей пришлось доверить сына графине Апраксиной да молоденьким сёстрам мужа.

Долли, ставшая после маскарада в Гленорг-Холле наимоднейшей персоной лондонского света, блистала на балах и раутах, но не забывала и о младших – старалась устраивать им развлечения. Сегодня она вывезла Лизу, а вместе с ней Генриетту де Гримон и младшего брата своего мужа, лорда Джона, в оперу.

Впрочем, ещё неизвестно, кто кого вывез. Лорд Джон до такой степени обожал театр, что знал там всех и вся и целыми днями пропадал за кулисами. Не менее восторженной поклонницей музыки была и Генриетта. Та обладала прекрасным сопрано и до того, как узнала о возвращении ей во Францию отцовского наследства, серьёзно готовилась к дебюту на сцене, да и теперь не отказалась от этой мысли окончательно, чем доводила свою тётку Луизу почти до обморока. Похоже, что среди приглашённых лишь одна Лиза ждала встречи с оперой почти равнодушно.

Она впервые ехала в Ковент-Гарден, и Генриетта, уже не раз побывавшая в опере, накануне во всех подробностях рассказала о том, что их ждёт. Саму Генриетту уже не интересовали ни публика, ни красота огромного зала, ни августейшие персоны в королевской ложе. Генриетта мечтала лишь об одном: услышать знаменитую Джудитту Молибрани в партии «Танкреда».

У поворота к театру завивалась бесконечной змеей вереница еле ползущих экипажей. Наконец, после титанических усилий кучера, карета остановилась у портика с четырьмя толстенькими колоннами. Лакей отворил дверцу, и герцог Гленорг, выйдя первым, помог спуститься жене, а потом Лизе и Генриетте. Навстречу им по ступенькам сбежал лорд Джон.

– Ну наконец-то! Скоро начнётся увертюра, а вас всё нет, – обижено попенял он брату.

Подхватив под локти Лизу и Генриетту, Джон стремительно повёл барышень в фойе театра, и герцогу пришлось поторапливаться, таща за руку Долли.

– Простим Джону его нелюбезность, – шепнул герцог жене, – когда дело доходит до оперы, он становится невменяемым.

Усадив барышень в ложе, лорд Джон стал пересказывать им либретто. Генриетта с жаром отвечала ему. В два голоса втолковывали они Лизе, какое счастье ждёт её нынче вечером. Может, княжна не оправдала их ожиданий с проявлениями восторга, или знатокам наскучила беседа с дилетанткой, но они оба вдруг потеряли к Лизе интерес и принялись обсуждать какие-то совсем непонятные тонкости, а она с радостью вернулась к мыслям о синеглазом графе. Лизе было так хорошо! В её мечтах Печерский был рыцарем без страха и упрёка, и он... любил её.

Беседа друзей долетала до Лизы, как сквозь вату:

– В антракте мы можем сходить за кулисы и познакомиться с сеньорой Молибрани, – тоном человека, дарящего другим неслыханное счастье, сообщил лорд Джон. – Ну что, пойдём?

– Да, пожалуйста, пойдёмте! – взмолилась Генриетта.

– Вы обе можете пойти с Джоном, если, конечно, захотите, – откликнулся герцог.

– Как можно не хотеть познакомиться с великой Молибрани? – пожал плечами Джон.

Подобная мысль его явно оскорбляла.

Все смолкли, как будто чего-то ждали. Может, Лиза что-то пропустила?

Долли легонько подтолкнула её и сказала по-русски:

– Лиза, не обижай моего деверя, пойдёшь с ними...

Вот так-то предаваться мечтам! Попадёшь в дурацкое положение. Чувствуя, что предательски краснеет, Лиза с готовностью подтвердила:

– Конечно, я с удовольствием...

Поняв, что ответила сестре по-русски, для остальных она перевела свой ответ на английский. Под пристальными взглядами Лизины щёки запылали, как два краснобоких яблока, но, на её счастье, загремели аплодисменты, и все повернулись к королевской ложе. Туда в сопровождении двух немолодых дам и седого офицера в красном мундире вошла высокая русоволосая девушка в простом белом платье. На ней не было никаких украшений, лишь гирлянда роз перебивала локоны в причёске. Но украшений и не требовалось. Такая красота в них не нуждалась! Зал захлебнулся овациями. Кто-то закричал:

– Да здравствует принцесса Шарлотта!

– Да здравствует наша гордость! – донеслось с другой стороны.

С верхних ярусов вторили:

– Да здравствует надежда Британии!

Принцесса Уэльская, подойдя к краю ложи, с улыбкой покивала восторженной толпе, а потом села в кресло. Как дирижер, она подняла обе руки и плавно опустила их. Рукоплескания и крики послушно смолкли.

«Похоже, что ей это очень нравится, вон ведь как глаза сияют, и улыбка победная», – догадалась Лиза.

Точно к такому же выводу пришла и женщина, сидевшая в ложе бельэтажа.

Ничего себе задачка! Орлова вздохнула – последняя надежда, что поездка в Англию окажется хоть сколько-нибудь приятной, растаяла, как прошлогодний снег, – тут уже никакой театр не поможет.

Глава шестая. Кассандра Молибрани

Сияя, будто фокусник, пообещавший зрителям приятнейший из сюрпризов, лорд Джон с ловкостью завсегдатая вёл своих спутниц по коридорам театра. Поплутав так, что Лиза уже забыла, с какой стороны остался зрительный зал, провожатый подвёл барышень к высокой белой двери и постучал. Изумительной красоты тёплый голос, недавно звучавший со сцены, пригласил гостей войти. Джон открыл дверь и пропустил своих спутниц вперёд. В большой комнате с белыми шёлковыми гардинами и золочёной резной мебелью было светло, как днем. Пламя свечей двоилось в зеркалах. У туалетного столика сидела женщина в костюме рыцаря и тонкой кисточкой поправляла грим. Чуть сбоку, у стола, расправляла перья на бутафорском шлеме молодая девушка, скорее всего, ровесница Лизы. Яркая и привлекательная брюнетка, барышня всё же казалась странной. На её нарядном розовом платье переливался лиловыми огнями огромный аметист, украшавший крышку массивного, размером с ладонь, золотого медальона. Цепь его была толщиной чуть ли не с мизинец, и на кружевных оборках и розовом шёлке это смотрелось неуместно. Такое украшение при всей его красоте и явной ценности больше подошло бы крупной зрелой матроне, чем юной и тоненькой, как тростинка, барышне.

Старшая дама вслед за барышней повернулась к вошедшим. Не было никаких сомнений, что рядом с примадонной стоит её дочь. Яркая красота старшей оттеняла расцветающее очарование младшей. Пышные иссиня-чёрные кудри, чуть смугловатая, без румянца кожа и ярко-красные губы обеих женщин были совершенно одинаковы, но вот глаза оказались разными: у матери – чёрными, как тёплая южная ночь, а золотисто-карие глаза дочери цветом напоминали янтарь.

– А, Джон! Заходите и приглашайте к нам своих дам, – с улыбкой позвала примадонна. – С моей дочерью Кассандрой вы уже знакомы, так что окажите любезность – представьте нам этих милых барышень.

От столь тёплого приёма Джон расцвел, заулыбался и с готовностью исполнил желание хозяйки:

– Сеньора, позвольте представить вам моих родственниц: княжну Элизабет Черкасскую и герцогиню Генриетту де Гримон.

Даже голос его звучал здесь по-другому: в гримёрной примадонны Джон держался свободней и раскованней, чем дома.

– Очень рада знакомству, – любезно отозвалась сеньора Джудитта. Она пожала девушкам руки и повернулась к дочери. – Кассандра, познакомься с сеньоритами.

Девушка в розовом вышла вперёд и сначала пожала руку Генриетте, а потом повернулась к Лизе. Она шагнула навстречу княжне, но не дошла, а вдруг, побледнев, застыла. По Лизиней спине прополз холодок, а по всему телу побежали мурашки. Дочка хозяйки тоже казалась ошеломлённой, но, поймав вопросительный взгляд матери, она всё-таки сделала последний шаг и протянула Лизе руку.

– Я очень рада, – сказала Кассандра.

Но Лиза не смогла ответить. Пожав протянутую ладонь, она оцепенела: странные холодные искры проскочили меж соединившихся в рукопожатии пальцев. Кассандра отдернула свою руку и, став так, чтобы загородить княжну от остальных, наклонилась к её уху и шепнула:

– Нам нужно поговорить наедине.

– Хорошо, – кивнула изумлённая Лиза.

Кассандра отступила и обернулась к матери, ожидая, что же та скажет. Но примадонну уже отвлекли: её вниманием завладела Генриетта.

– Сеньора, я сама пою, поэтому понимаю, что ваш дар – это непревзойдённая вершина! – изливала она свой восторг. – Никто и никогда не будет петь так, как вы.

– Голос всегда дается от Бога, – заметила певица и любезно предложила: – Может, вы споёте что-нибудь для нас? То, что любите...

– Я пою Моцарта, а особенно люблю «Волшебную флейту». Вы и впрямь согласны меня слушать? – Генриетта, казалось, не верила своему счастью.

– Конечно, это тем более интересно, что ваш голос выше, чем у меня. Раз вам нравится «Царица ночи», у вас должно быть драматическое сопрано. – Примадонна кивнула на маленькое кабинетное фортепиано в углу комнаты. – Вы сможете аккомпанировать себе сами?

– Да, конечно...

Девушка откинула крышку и пробежала пальцами по клавишам. Звук у инструмента оказался верный и сильный. Генриетта взяла первые аккорды, а потом запела. Её голос взлетел и, казалось, заполнил всю комнату. Он звенел в верхней октаве, а вниз стекал жидким серебром. В голосе не было ни малейшего напряжения, ни фальши, и, хотя Лиза уже слышала пение Генриетты, столь совершенным оно было впервые.

«Это из-за синьоры Молибрани», – догадалась Лиза.

Ария подошла к концу. Генриетта взяла последнюю ноту и смолкла. Примадонна вскочила с кресла и, восторженно причитая по-испански, кинулась к юной певице, обняла её, а потом перешла на английский:

– О, моё дитя, у вас замечательный талант, вы должны петь на сцене!

– Жаль, но герцогине этого точно не позволят – подсказал из своего угла лорд Джон, – её тётя не хочет об этом даже слышать.

– Да, это правда, – вздохнув, подтвердила Генриетта, – мне недавно вернули наследственный титул семьи, теперь я должна восстановить свои права на имущество отца и стать обычной аристократкой, которым не место в театре.

– Вы даже не представляете, кто на самом деле поёт на сцене, – возразила Молибрани, и лукавая улыбка сделала её совсем молодой. Теперь Кассандра скорее походила на её сестру, чем на дочь. – Но в любом случае вам нужно учиться. Сценическая постановка голоса – дело не одного дня. Я уже начала давать уроки лорду Джону. Если хотите, приезжайте вместе с ним, я буду заниматься с вами обоими.

В дверь деликатно постучали, и в комнату заглянул дирижёр.

– Мэм, я иду в оркестр, ваш выход ровно через семь минут, – серьёзно сказал он, неодобрительно глянув на посторонних, отвлекающих великую певицу пустыми разговорами.

Дверь за дирижёром захлопнулась. Поднялись и гости. Генриетта рассыпалась в благодарностях и пообещала примадонне завтра же приехать на первый урок. Джон тоже благодарил примадонну. Вот-вот должны были прозвучать слова прощания, когда кто-то прошептал Лизе на ухо:

– Приходите вместе со своими друзьями. Это очень важно. – Кассандра Молибрани умоляюще заглядывала ей в глаза.

– Хорошо, – так же тихо отозвалась Лиза и, попрощавшись с примадонной, вышла из гримерной.

Отчего её так пугала новая встреча с Кассандрой? Что в этой девушке было не так?.. Лиза не понимала. Так и не собравшись с мыслями, финал оперы она прослушала, будто во сне.

Опера близилась к финалу. Это был настоящий триумф! Джудитта Молибрани оказалась истинным совершенством. Даже если бы она просто стояла у края сцены и только пела, публика была бы счастлива, но примадонна играла! Малейшие оттенки чувств отражались на её подвижном лице, и никто в Ковент-Гарден уже не задавался больше вопросом, почему мужчину изображает женщина. Все, затаив дыхание, следили за страданиями рыцаря из древних Сиракуз. Зал внимал великой певице, и лишь хрупкая русская фрейлина глядела совсем в другую сторону.

«Шарлотта очень чувствительна, на её глаза постоянно набегают слёзы. Что бы это могло значить? Доброе, сентиментальное сердце или экзальтация? Как говорится, признаки одни, да причины разные», – рассуждала Орлова.

На душе у фрейлины лежал тяжкий камень. Спроси кто-нибудь сейчас мнение Агаты Андреевны, то она сказала бы, что от такой невесты любому разумному мужчине стоит держаться подальше. Так, на всякий случай, уж больно много сомнений возникало вокруг её персоны. Да только нынешний случай был отнюдь не «всяким». Как там сказала императрица-мать? Посадить родных братьев на престолы России и Англии? Да, заманчивая перспектива...

«Впрочем, Мария Фёдоровна, как видно, неточно выразилась. Николай станет лишь принцем-консортом, а это совсем не то же самое, что его брат-император... Брат... – Орлову вдруг кинуло в жар... – Господи, да как же всё оказывается просто! Государыня сказала именно то, что хотела. Брак её старшего сына – императора Александра, давным-давно обречён, его уже много лет не видели в спальне законной супруги, а его дети от фаворитки – не в счёт. Со вторым братом – цесаревичем, великим князем Константином – ещё хлеще. От того жена просто сбежала и в Россию возвращаться не хотела ни за какие коврижки. Там тоже законного наследника нет и уже не предвидится. Получается, что Николай Павлович – единственная надежда семьи. Ему придётся царствовать самому, а значит, вдовствующая императрица готовит брачный союз, который соединит две главные державы Европы. Теперь, когда Франция повержена, супружеская чета, правящая и в Англии, и в России, через общих детей-наследников, станет властвовать миром.

Тогда остаётся один-единственный вопрос: сможет ли Шарлотта иметь здоровых детей? Всё остальное уже будет неважно», – признала Агата Андреевна. Она вглядывалась в лицо принцессы Уэльской. Та вела себя с простотой непоседливого ребенка: то откидывалась в кресле, то опиралась на локти, то чуть ли не свешивалась через барьер ложи. Большие, в поллица, голубые глаза её то скользили взглядом по сцене, то закатывались, то застывали. Тогда в разговоре Мария Фёдоровна обмолвилась об отсутствии у Шарлотты воспитания. Возможно, что её поведение – следствие сего прискорбного пробела. Однако надо быть справедливой и не винить в отсутствии хороших манер девушку, насильно разлученную с матерью ещё в младенческом возрасте.

Но с другой стороны, не в пустыне же она росла, вокруг были бонны, гувернантки, фрейлины, наконец. Разве никто не старался повлиять на принцессу? Так почему же не вышло? Может, дело не в воспитании, а всё гораздо хуже, и даёт себя знать семейный недуг британской династии?

Миссия, порученная императрицей, показалась Агате Андреевне неподъёмной ношей. Какой совет она могла дать? Отказаться от этой затеи, пока в царской семье не появились дети, носящие в себе зерно неизлечимой болезни? Не хотеть слишком много?

«Может, рискнуть и написать прямо сегодня? Ведь первый взгляд всегда бывает правильным, это потом сомнения начинают размывать картину», – колебалась Орлова. Впрочем, она уже знала, что не напишет. Вдовствующая императрица явно не поймёт такой спешки. Та ведь дала понять, что знает о сложностях характера принцессы Уэльской, да и Долли Ливен, раз она имела на Шарлотту влияние, без сомнения, выяснила всю подноготную девушки и в подробностях отписала государыне.

Значит, Мария Фёдоровна всё знала, но тем не менее отправила Орлову «присмотреться» к завидной невесте. Нет, единственно возможным вариантом оставалось не спешить, а пристально (насколько это только возможно для частного лица) понаблюдать за принцессой. Слишком уж заманчивая перспектива открылась перед вдовствующей императрицей. А кто же добровольно откажется от возможности получить всё и сразу?

Глава седьмая. Саломея Печерская

«Если ловко состряпать интригу, можно получить всё и сразу, – размышляла Саломея Печерская. – Сколько можно болтаться ни там, ни здесь?! Кое-что уже нажито, руки развязаны. Можно рискнуть и захватить остальное».

Дождь за окном навевал тоску, размывая и волю, и упорство, и желание бороться. Осень в Пересветове – большом и богатом имении в Ярославской губернии – всегда казалась Саломее самым отвратительным временем года. Даже морозная зима была лучше. Графиня, уже более двадцати лет безвыездно проживавшая в «этой дыре», честно старалась находить красоту в местной природе, но себя не переделаешь, а сердце Саломеи навсегда осталось в горном ущелье, на берегу бурной речки рядом с родительским домом. Буковые леса, зелень лугов и суровые тёмные горы с блистающими ледниками вершин, вот он – идеал красоты! А здесь что? Холод и серятина: плоские бескрайние равнины, сонные мутные реки, еловые леса с жидкой белизной редких берёз. В этой природе не было ни силы, ни мощи. Здесь и люди были такими же – пресными и скучными, ну а про мужчин и говорить нечего – сплошь и рядом никчёмные!

Может, эти отлакированные иностранными гувернёрами и университетскими профессорами аристократы на что-нибудь и годились, этого Саломея не знала, но чего в них точно не было, так это горячей крови, вечной жажды войны и презрения к чужим жизням. Того, что в избытке имелось у неграмотных парней из её села – древней гордости человека, родившегося мужчиной.

Для Саломеи это было само собой разумеющимся. Её отец был самым младшим из бесчисленного выводка смуглых горбоносых сынов бедного князька, владевшего маленьким горным селом. Богатства в семье никакого не было, но старый князь вывернулся наизнанку и расстарался – помог всем своим сыновьям построить дома и самому младшему отдал участок у реки. Отец Саломеи считал это зазорным, ведь его поселили дальше всех от «княжеского дворца», как называли распластанный на высокой скале серый каменный дом, но девочке место понравилось. Река шумела и боролась, пробивая дорогу в каменном ложе так же, как поступала и сама Саломея, выживавшая среди суровой природы и жёстких нравов людей-воинов.

Саломея уже не помнила, сколько ей исполнилось, когда в село пришла холера. Семьи умирали одна за другой. Дяди и тёти, двоюродные братья и сёстры, ближняя и дальняя родня – чуть ли не всё село «переселилось» на кладбище, прежде чем хвороба пошла на убыль, но в дом у реки зараза так и не заглянула. Девочке уже казалось, что судьба пожалеет её семью, когда вдруг отец, вернувшись с похорон одного из своих братьев, стал бредить, выкрикивая имена умерших, а к утру сам присоединился к родным в небесных чертогах. Мать и брат Саломеи умерли вслед за ним.

Из всей большой княжеской семьи болезнь не пощадила никого, кроме Саломеи и старшего брата её отца, ставшего после смерти деда князем. Жена дяди тоже лежала в могиле, детей у них никогда не было, и князь взял племянницу к себе. Но счастье длилось недолго, не прошло и трёх месяцев, как дядя женился на красивой вдове из соседнего села, переехавшей в дом нового мужа вместе с маленьким сыном.

Новая княгиня тут же усмотрела в Саломее угрозу. Через год после свадьбы, окончательно уверовав, что детей у неё с князем не получится, женщина решила сделать наследником своего сына. Первым делом она избавилась от единственной кровной родственницы мужа. Убедив князя, что, выйдя замуж, племянница непременно втравит их род в междоусобицу, она отправила девочку в Россию. Кто-то из горских купцов, живших в Москве, должен был приютить сироту.

Няня Заира – единственный человек на свете, относившийся к девочке с теплотой и участием, собрала её и повезла в далёкую Москву. Дорога показалась Саломее бесконечно

долгой, а самым страшным воспоминанием её детства стало то ужасное мгновение, когда в дымке дрожащего от жары воздуха исчезли серые скалы родного ущелья и вдруг стало понятно, что дом потерян навсегда.

Москва не понравилась Саломее с первого взгляда: громады зданий, странные люди в чужой одежде, непривычные обычаи и непонятный язык – всё казалось угрюмым и враждебным. Земляки, к которым отправили маленькую горянку, встретили её приезд без восторга. Мать семейства – толстая женщина с седеющими густыми волосами и пронзительным взглядом чёрных глаз – скептически поцокала языком, глядя на маленькую диковатую гостью, но отказать своему князю в просьбе вырастить его племянницу в России они с мужем не могли. Приказав звать себя тётушкой Тамарой и говорить в доме только по-русски, хозяйка распорядилась поселить девочку в чулане под лестницей, а няню Заиру отдать в прислуги трём хозяйским дочкам.

Впрочем, не всё оказалось так уж плохо. Тётушку Тамару в этой жизни волновали лишь два человека: муж, которого она боялась, и сын, которого она обожала. Поэтому ещё одно никчёмное создание – девочка, поселившаяся в доме, заняла внимание женщины самое большее на час. Но для Саломеи так было даже лучше – тётка не вспоминала о ней, а поэтому и не обижала. Вкусные кусочки добывала на кухне Заира, она же отдавала своей питомице ту одежду, из которой вырастали хозяйские дочери. Читать и писать Саломея научилась, сидя в углу классной комнаты, где занимались её кузины. Этим её образование и ограничилось, но девочка не унывала, ведь у неё была цель – выбиться из нищеты и занять полагающееся ей как княжне место в жизни. Саломея не сомневалась, что справится. Трудностей она не боялась, людям не верила и любила в этой жизни только себя. «Ещё бы немного везения, и всё обязательно получится», – часто размышляла она.

Когда юной приживалке минуло четырнадцать, на неё обратил внимание светоч этого семейства – старший и единственный сын хозяев – Леван. Окрыленная Саломея раз мечталась, что влюблённый кузен попросит её руки и она наконец-то станет полноправной хозяйкой в доме. Но пустые мечты рассыпались в прах тёплой летней ночью, когда Леван тихо постучал в дверь каморки нищей княжны, а потом увёл её в голубятню. Под нежное воркование птиц хозяйский сын раздел Саломею и, объяснив ей, как нужно ласкать мужчину, заставил возбуждать себя. Получив удовольствие, он тоном благодетеля пообещал, что теперь будет приходить каждую ночь.

– А разве ты на мне не женишься? – удивилась Саломея.

– Ты смеёшься? – хмыкнул Леван. – Родители давно договорились о моей свадьбе, через год я женюсь на дочери самого богатого купца Кахетии. Об этом все знают.

– Но, если это правда, почему же ты так со мной поступил? – борясь с рыданиями, спросила Саломея.

– Вот из-за этого, – засмеялся Леван, игриво скрутив её соски, – и из-за всего остального тоже.

Он начал бесстыдно мять и лапать обнажённое тело Саломеи, и ей вдруг это понравилось. Слезы высохли, и она позволила Левану ласкать себя. Открыв для себя мир чувственных удовольствий, Саломея больше никогда от них не оказывалась и в радостном предвкушении бегала на свидания к Левану, которого, впрочем, скоро начала презирать. Если б парень потребовал только ублажить его, Саломея сочла бы это естественным правом мужчины. А кузен, не забывавший и о её радостях, казался ей слугой, а значит, существом низшим и презренным.

Впрочем, школа Левана пришлась очень кстати, когда нашлась подходящая жертва. Чуть-чуть ласки, немного напора – и наивный доктор Иоганн тут же сделал Саломее предложение. Сегодня, устроившись у залитого холодным дождём окна в Пересветове, Саломея неслучайно вспоминала свою жизнь. На столе перед ней лежало письмо Левана. Кузен давным-давно перебрался со своей кахетинской женой в Петербург и сейчас писал о столичных сплетнях. Леван

клялся, что уже из нескольких «чрезвычайно достоверных» источников слышал, будто граф Печерский очень плох и жить ему осталось не более трёх месяцев. В конце письма Леван с прежним нахальством предлагал будущей неутешной вдове по приезде в столицу вспомнить «нежные» отношения. Саломея хмыкнула и, смяв письмо, бросила его в угол. Разжиревший от праздности Леван больше не был ей интересен. В жизни графини давно имелся мужчина. Страстный и отчаянный. Сильный. Как раз такой, какой ей и требовался.

Коста появился в жизни Саломеи в тот неудачный год, когда верный Иоганн уже сошёл в могилу, а подлец Печерский только что выслал жену в имение, повесив ей на шею двоих пятилетних детей. Если бы не Заира, новоявленная графиня, верно, придушила бы мальчишек и наложила бы на себя руки, потому что не могла смириться с тем, что её так тонко продуманный план занять высокое положение в обществе вновь дал осечку. Если бы стареющий граф хотя бы раз позволил Саломее по-настоящему приласкать его в постели, он бы никуда уже не делся, но, припугнув дам, заставших его с вдовой профессора Шмитца в «неприличном положении», Печерский узнал всю правду: его цинично подловили. Выводы последовали жёсткие: за всё время официального брака граф так ни разу и не допустил близости с женой, отослал её в деревню, да ещё и соседей настроил, чтобы те не ездили в Пересветово и графиню у себя не принимали. Так и сидела Саломея в деревне, изнывая от тоски, пока на пороге её дома не появился единственный сын Заиры.

Суровый разбойничий нрав, проявлявшийся в Косте с детства, с годами только усугублялся, и когда в шестнадцать лет парень ушёл в горы и зажил абреком, это не удивило даже его мать. Заира тогда уехала с Саломеей в Россию, решив, что никогда уже больше не увидит сына. Но жизнь рассудила иначе: Коста так сильно насолил и местным властям, и горцам, которых беспощадно грабил, что за его голову объявили награду, и абрек решил на время исчезнуть. Захватив награбленное золото, он отправился к матери. Заира уже переехала вместе с Саломеей в Пересветово. Как же удивилась старая нянька, увидев сына в Ярославской губернии, но привела Косту к хозяйке и попросила для него разрешения пожить зиму в поместье. У Саломеи тогда ёкнуло сердце: ей вдруг показалось, что она вновь вернулась домой и теперь смотрит в глаза мужчины одной с ней крови... «Вот час и пробил! Сейчас всё свершится», – поняла она. Коста же, прищурившись, окинул графиню взглядом, а потом встал, взял за руку и тихо спросил на родном языке:

– Куда пойдём?

Саломея молча поднялась и повела его в свою спальню. Наконец-то она нашла своего мужчину – воина, который будет её покорять и ломать! Коста молча подвёл графиню к кровати, завалил, одним рывком задрал ей юбку и, не заботясь о том, что она чувствует, овладел Саломеей. Это оказалось невероятным удовольствием.

С тех пор беглый абрек всё ночи проводил в спальне графини. Два месяца спустя Саломея поняла, что беременна, а Коста, соскучившись по вольной жизни, засобиравшись обратно в горы. Когда же он почти через год вернулся, Заира показала сыну черноволосого и черноглазого графа Ваню. Абрек довольно улыбнулся, но обсуждать своё отцовство ни с кем не стал. Он по-прежнему ночевал с Саломеей, но теперь старая нянька тайно поила свою питомицу специальной настойкой, чтобы графиня больше не беременела. Точно так же поступала нянька после рождения Серафима при жизни покойного доктора Шмитца.

Один год сменял другой, а в отношениях любовников ничего не менялось. Каждый жил своей жизнью: Саломея – в деревне, а Коста – в горах. Но именно сейчас абрек наконец-то решил больше не возвращаться к кочевой жизни, а остаться рядом со старой матерью и драгоценным сыном. Когда любовник два дня назад изложил свой план Саломее, та услышала только два имени – Заиры и Ваню. Всё было правильно – так и ведут себя настоящие мужчины. Коста почитал мать и любил сына, а другие люди, и прежде всего женщины, казались ему лишь песком под ногами. Так-то оно так, но не всё было просто. В отношениях любовников появи-

лось новое и весьма неприятное обстоятельство: в этот свой приезд Коста уже не приходил в спальню Саломеи. Она сразу же всё поняла, обиделась и больше абрека уже не ждала. Зачем, коли и так всё ясно? Ушла страсть – исчез мужчина. Так что хозяйка поместья ещё очень хорошо подумает, прежде чем разрешит прежнему любовнику остаться. А может, и того хлеще – прикажет убираться восвояси.

В своё время граф Печерский, узнав, что Саломея беременна, не стал поднимать скандала, но все двадцать лет отказывался видеть и жену, и Ваню. Им было запрещено выезжать из Пересветова. Больше всего Саломею удивляло, что граф, казалось, неплохо относился к её старшему сыну Серафиму, по крайней мере, старик дал мальчишке образование. А вот об учебе Ваню матери пришлось думать самой. Учителя и гувернёры стоили ей немалых денег. Но с помощью абрека Саломея так запугала управляющего помещьем, что тот безропотно отдавал ей часть выручки от продажи ржи и льна.

И вот теперь, казалось, налаженная жизнь, могла в любой момент рухнуть. Как только граф умрёт, имение отойдёт Михаилу. В этом Саломея не сомневалась. И тогда ей придётся зависеть от милостей слабохарактерного пасынка. Как хорошо, что все эти годы она не сидела без дела, а по кирпичикам собирала личное благосостояние.

Саломея давно вкладывала часть отнятых у управляющего денег в то, что можно было тихо приобрести на своё имя. У неё уже имелись два доходных дома в Ярославле, а полгода назад она даже отважилась купить у вдовы местного купца недостроенную прядильную фабрику. Купец собирался на выписанных из Англии машинах прясть в Ярославле льняную нить, а потом и ткать полотно, но, получив из-за моря свои станки, так широко отмечал это радостное событие, что перепил и скоропостижно умер. Жена его, боявшаяся любых механизмов, как чёрт ладана, за бесценок продала всё имущество Саломее, а сама сбежала «доживать свой век» к замужней дочери в Тулу.

Покупка казалась выгодной. Просторные фабричные корпуса на окраине Ярославля были полностью отстроены, машины из Англии завезены, с ними приехал и мистер Макдауэл, чтобы наладить станки и запустить прядильню. Рядом с фабричным забором стоял уже отделанный двухэтажный дом, предназначенный для управляющего, а в трёх верстах от фабрики купец выкупил у гуляки-наследника маленькое имение, где на полях родился отличный лён. Всё это дёшево досталось графине Печерской, и она очень радовалась удачному вложению. Вторым приятным сюрпризом оказалось желание любимого сына довести купленную фабрику до ума.

– Я сделаю из вашей покупки настоящий алмаз! Мы и свой лён в дело пустим, и соседский скупим, – обещал Ваню. – Клянусь, что мы будем купаться в золоте!

Саломея с любовью смотрела в чёрные глаза своего мальчика и плавилась от счастья и умиления. Её малыш вырос, он хочет помочь, подставить матери плечо, взять на себя часть её ноши. Как же Ваню умён! Не зря же столько денег пошло на учителей. Те, все как один, уверяли графиню, что дали её сыну знания по всем наукам. И хотя в других случаях Саломея никому и ничему не верила, но, когда речь заходила о Ваню, мать как будто забывала, чему научила её жизнь, и ждала чуда, которое совершит её умный и прекрасный мальчик. И вот наконец-то это случилось: Ваню повзрослел и стал настоящей опорой! Саломея разрешила сыну делать всё, что тот захочет, а сама занялась привычным делом – вытряхиванием новых сумм из управляющего помещьем. Ну а как же могло быть иначе? Ведь мальчику в его начинаниях понадобятся деньги.

Известие о смертельной болезни старика Печерского свалилось как снег на голову. Вот уж нехстати! Хуже всего было то, что у Михаила имелся преданный ему близкий родственник – действительный статский советник Вольский, человек влиятельный и умный. Если наследник передаст свои имения в руки Вольского, Саломея сразу же лишится доходов. И это будет ещё полбеда. Не дай бог, докопаются до недостатка, придётся отвечать и за них. Пока не поздно, надо было предупредить удар...

Решение нашлось сразу. Коста хочет остаться в поместье? Вот это и будет та плата, которую ему придётся заплатить за возможность жить рядом с матерью и сыном. Никуда этот разбойник не денется – сделает всё как надо.

Саломея улыбнулась своим мыслям, накинула на плечи шаль и отправилась через сад. Она спешила во флигель – к состарившемуся абреку.

Глава восьмая. Абрек Коста

Коста с тоской глядел на мокрый осенний сад. Окошко было маленькое, подслеповатое и почти не пропускало дневной свет. Косте было противно и стыдно: госпожа графиня никогда не считала нужным относиться к нему как к мужу и всегда днем прятала Косту в обшарпанном флигеле, хотя по ночам не жаловалась, а была очень даже довольна и аж визжала под сильным мужским телом... Впрочем, теперь-то чего уж жалеть? Не поставил себя как должно с самого начала, вот и получилось, что всё впустую... Коста тихо выругался. Он никогда не понимал эту женщину! Они принадлежали к одному роду, были одной крови, но она оставалась для него загадкой.

Конечно, Саломея приходилась внучкой князю, правившему в их селе, но и Коста был не из последних. Абреками становились лишь самые храбрые, они добывали себе богатство, а в народе их всегда уважали. Коста, не кривя душой, мог сказать, что он последние двадцать лет считался самым знаменитым разбойником Кавказа. От добытого им золота ломились спрятанные на чердаке сундуки. Но Саломея лишь брезгливо поморщилась, когда абрек однажды осмелел и преподнёс ей тяжелое золотое ожерелье из семи цепей, добытое у застреленного персидского купца. Графиня тогда высокомерно отказала Косте, а теперь, когда его мужская сила ушла, горец предвидел, что он и подавно не будет нужен столь вздорной и злобной женщине. Неизвестность изводила Косту. Она стала просто невыносимой. Нужно было что-то делать. Абрек задумался. Почему он больше не хочет Саломею? Та ведь красива, стала даже лучше, чем была в молодости. В чём дело, Коста не понимал...

В юности Саломея была откровенно худой. Родив двух сыновей, она ни капли не поправилась и щеголяла девичьей талией до сорока лет. Любовница напоминала Косте дамасский кинжал: тонкие, сухие черты её лица, угловатость гибкой, но сильной фигуры всегда возбуждали в нём желание, а жёсткий взгляд чёрных глаз и надменные повадки графини Печерской будили в нём азарт борьбы. Коста хотел не просто овладеть Саломеей, но и покорить её, и, хотя всегда об этом молчал, знал, что ночью ему это удавалось. Однако наступал день, и гордячка отворачивалась от Косты, не считая нужным считаться с его желаниями, не спрашивая советов. Она даже обедать с ним за один стол не садилась.

Уже много раз Коста спрашивал себя, зачем он вновь и вновь возвращается в этот дом? Ради матери? Но он давно ничего не чувствовал к Заире. Выполнять свой долг – кормить старую мать, как было принято у его народа, – Косте было необязательно. Заира жила в богатом доме и ни в чём не нуждалась. Ване? Да, абрек обожал сына, хотя так и не сказал мальчику, что он его отец. Коста очень гордился тем, каким вырос его сын: уверенным в себе, бесстрашным и гордым. На самом деле горец уже сделал главные дела своей жизни: он стал самым знаменитым воином Кавказа и вырастил сильного и красивого сына. Если бы Косту убили в бою, он умер бы счастливым, но пули его не брали, как видно, черед усталого абрека ещё не пришёл.

С наступлением холодов Коста опять воротился в дом любовницы и увидел новую, почти незнакомую женщину. За месяцы, пока его не было, Саломея начала полнеть. И это настолько её украсило, что абрек не поверил собственным глазам. Грудь и бедра графини налились, гладкая кожа на открытых плечах цветом напоминала сливки, а руки, ещё тонкие в локтях и запястьях, красиво округлялись в предплечьях. Саломея всегда обожала наряды, и теперь накупила себе новых роскошных платьев, выставляя напоказ свою зрелую красоту. Коста восхитился, но, как ни странно, прилива желания не почувствовал. Сначала он решил, что это случайность, но пришла ночь, абрек представил себе нагую, роскошную женщину с мягким телом, и вновь ничего не почувствовал. Коста так и не решился выйти из своего флигеля. Утром он поймал брезгливый взгляд Саломеи, обиделся на неё и окончательно замкнулся в своих сомнениях и страхах.

Решив попробовать других женщин, Коста позвал к себе разбитную кухарку, прелестями которой не брезговал в прошлом году, но, как ни старалась пышнотелая Дуня, ублажая его, Коста так ничего и не смог. Забрав пятак, Дуня ушла на кухню, а бедняга-абрек задумался над тем, что же ему теперь делать. Жить из милости, ловя презрительные взгляды Саломеи? Но она до сих пор не дала своего согласия на то, чтобы он остался в её доме навсегда, хотя с того разговора уже прошло два дня. Как возродить мужскую силу и вновь подмять под себя строптивую графиню? Оставалась ещё одна, хоть и слабая, надежда: попробовать молодую женщину с тонкой фигурой, такой же, как у молодой Саломеи. Но где ж найти такую?..

И тут Коста вспомнил об Азе. Эту бабёнку – дальнюю родню его матери – привёл в Россию голод. Когда три года подряд на Кавказе случились неурожаи, а села стали вымирать одно за другим, в горы пришли богатые князья с побережья и принялись за бесценнок скупать владения местных правителей. Село, где жила Аза, купили за муку и горсть золота. Круглая сирота, ютившаяся в княжеском доме из милости, оказалась никому не нужной, и, вспомнив, что её умершую мать когда-то крестила Заира, сочли это достаточным родством и послали Азу в Россию, как когда-то поступили и с графиней Саломеей.

Изумлённая Заира выслушала приехавшую землячку и побежала к хозяйке, прося у той разрешения оставить нежданную гостью. Старая нянька надеялась, что её питомица вспомнит собственную судьбу и, пожалев сиротку, оставит её в имении. Саломея посмотрела на Азу и впрямь разрешила той жить в Пересветове, но дело было не в жалости и милосердии, а в том, что Саломея скучала. Новая приживалка должна была стать каким-никаким, но развлечением, да к тому же бесплатной служанкой.

Так оно и получилось. С тех пор Аза жила в имении, прислуживая хозяйке. Наблюдательная и хитрая, в полной мере наделённая простой деревенской сметливостью, Аза быстро поняла, что, если постоянно льстить Саломее, потакать её капризам и, самое главное, восхищаться умом и талантами Ваню, с хозяйкой вполне можно ладить. Саломея так нуждалась в том, чтобы кто-нибудь её хвалил, что скоро привязалась к Азе, как будто знала её всю жизнь. Лопаясь от гордости, одаривала приживалку своими старыми платьями, без устали повторяя, сколько отдано за ткань, сколько за кружева и сколько заплачено белошвейкам в Москве. Аза благодарила, надевала пропотевшие и чинённые наряды, а в душе ненавидела свою благодетельницу, желая той скорой и лютой смерти.

То, что приживалка Саломею не любит, Коста узнал от матери ещё в прошлом году. Заира как-то вскользь заметила, что у Азы характер мерзкий. Старуха боялась, как бы приживалка не сделала хозяйке какой-нибудь подлости. Коста тогда лишь посмеялся, но сам о разговоре не забыл и очень рассчитывал на то, что Аза не откажется насолить графине, проведя ночь с её любовником. Может, позвать приживалку прямо сейчас? Скоро вечер – самое время... Коста направиться к двери, собираясь искать Азу, но вдруг замер, услышав в коридоре шум стремительных шагов. Так ходила лишь одна-единственная женщина. Абрек не ошибся – в комнату вошла Саломея.

– Что ты сидишь в темноте? – осведомилась она вместо приветствия, – почему не зажёл свечи?

Коста скрестил на груди руки и молча оглядел графиню, не считая нужным даже повернуть голову в сторону большого подсвечника, стоящего в центре стола. За двадцать лет он прекрасно усвоил, что Саломея ждёт от него пренебрежительного высокомерия, свойственного мужчинам гор. Хитрость удалась. Саломея походила по комнате, прислонилась к голландской печке, покрытой потускневшими изразцами, и заговорила:

– Ты хочешь навсегда остаться в моём доме. Понятно, что в лесу стало слишком холодно для пожилого человека, а тебе нужно где-то приклонить голову. Я разрешу тебе жить здесь, но у меня есть одно условие: ты должен помочь Ваню.

Саломея замолчала и вгляделась в лицо абрека. Уже стемнело, а она видела гораздо хуже, чем прежде, и черты бывшего любовника различала смутно. Она боялась, что, оскорбив Косту, перешла сейчас грань, но не могла отказать себе в удовольствии унижить этого мужлана. Ведь она терпела абрека лишь потому, что нуждалась в сильном мужском теле, а теперь, когда он больше не спешил в её постель, Саломея сходила с ума от бешенства. Но Коста молчал, как видно, ожидая разъяснений, и она заговорила вновь:

– Я получила письмо из столицы. Мой муж смертельно болен. Я не сомневаюсь, что этот мерзавец всё оставит своему сыну Михаилу. Вану граф не признает, сам знаешь почему. Я хочу не только наказать старого негодяя, чтобы он на том свете кусал себе локти от отчаяния, но и добыть для сына наследство. Михаил ещё не женат, и у него нет детей. Если он умрёт холостым, единственным наследником станет Вану. Дело нужно провернуть быстро – убить Михаила сразу после смерти графа. Ты подождёшь вместе со мной известия о смерти старика, а потом поедешь к месту службы наследника и всё устроишь. Как ты это сделаешь, я знать не хочу... – Саломея помолчала, как будто ожидала вопросов, но Коста так и не открыл рта. Тогда она спросила: – Ну, что скажешь?

Коста смотрел на любовницу и размышлял, что ей ответить. Убить молодого графа ему было несложно. Абрека волновало другое – как поведёт себя Саломея после того, как получит всё. Последние слова не оставляли сомнений в том, что гордячка будет унижать Косту и дальше, пока он не вернёт себе мужскую силу и не сможет вновь брать над ней верх по ночам. Если эта нахалка уже сейчас ведёт себя так, что хочется её придушить, что же будет, когда он принесёт Саломее на золотом блюде огромное богатство?

Косте вспомнился рассказ монаха из маленького высокогорного монастыря, учившего мальчиков в их селе Священному Писанию. Старик говорил о племяннице царя Ирода, так очаровавшей дядю своими танцами и красотой, что тот пообещал ей исполнить любое её желание. Древняя Саломея потребовала принести ей на золотом блюде голову Иоанна Крестителя и получила её. Графиня Саломея тоже хотела получить голову человека, и исполнится ли её желание, теперь зависело от Косты. Но ведь эта голова принесёт и его дорогому сыну огромное богатство. В конце концов Коста как-нибудь умиротворит Саломею, но зато выполнит свой отцовский долг. Единственный сын кавказского абрека станет настоящим вельможей, да к тому же богачом. Подумав о сыне, Коста решился. Он вгляделся в холодные глаза матери своего ребёнка и сказал:

– Я согласен.

– Хорошо, – заулыбалась Саломея, – ждём письма о смерти графа, и ты сразу же отправляешься.

Она встала и, не прощаясь, направилась к двери. Коста проводил её взглядом и напомнил себе старую истину: «Всё, что ни делается, – к лучшему». Как удачно, что двадцать лет назад Саломея поселила его в этом обшарпанном флигельке. Если Аза согласится проводить здесь ночи, Коста ничем не рискует. Надменная графиня ничего не узнает. В осенние холода, а тем более в дождь, Саломея из дому носа не высунет.

Глава девятая. Необычная подруга

Ноябрьская погода не радовала: уже неделю моросящий дождь занудно и методично долбил Лондон. Зато в домах затопили камины, и огонь бодро трещал за бронзовыми и чугунными экранами, даря уют и покой. В гостиной синьоры Молибрани к приезду гостей тоже разожгли камин, и Лиза, не занятая на уроке вокала, устроилась у огня, поставив ноги поближе к решётке.

Вспомнив странную просьбу Кассандры, она, хоть и сомневалась, но всё же приехала сегодня в гости к примадонне вместе с Генриеттой и Джоном. Однако хозяйской дочки пока дома не было, и княжна, чтобы не мешать своим друзьям, приступившим к занятиям, устроилась у огня и приготовилась ждать. Приятное тепло приласкало, окутало нежным покрывалом, и Лиза, прикрыв глаза, вновь погрузилась в свои мечты. Мелькали дорогие сердцу картины: сверкала белозубая улыбка, а синие глаза с нежным вниманием глядели сквозь прорези маски. Но чары развеял шум шагов: в гостиную, на ходу разматывая большую кашемировую шаль и снимая шляпку, вошла Кассандра.

– Прошу прощения за опоздание, – улыбнулась она Лизе, – но маме привезли из Италии новые партитуры, и я ездила в театр, чтобы она не теряла зря времени перед спектаклем.

– Я всё понимаю. Со стороны сеньоры Джудитты было так любезно пригласить нас к себе при такой занятости, – отозвалась Лиза. – Наверно, вашей маме нужно отдыхать, а она тратит время, обучая других.

– Она считает, что должна отдавать свои знания, так же, как когда-то их передали ей. Мама и меня всю жизнь учила, – призналась Кассандра.

– Так вы тоже поёте?! И мы сможем вас послушать?

– Вам нет нужды слушать меня, когда вы слышите её. У меня такой же голос. Но две певицы с одним и тем же тембром и одним именем никому не нужны, поэтому сейчас поёт мама, а потом, когда она сама решит, что пора, мама уйдёт, а я её заменю. – Кассандра внезапно нахмурилась и спустя мгновение добавила: – Если доживу до этого.

– Почему вы так говорите? – удивилась Лиза.

– Потому что знаю – так же, как вы знаете то, что должно случиться с вами и вашими близкими. Разве это не так?

– Кто вам сказал? – испугалась княжна.

– Никто. Просто вы – одна из нас. Я первая «такая же», встретившаяся на вашем пути, а я уже видела трёх, и одна из них была моей собственной бабушкой. Вы же сейчас чувствуете мурашки на коже? Это потому, что я рядом, – объяснила Кассандра. – Я, например, ощутила ваше присутствие ещё в вестибюле.

– Вы правы, – призналась Лиза и, не выдержав, спросила о главном: – А вы тоже слышите мысли людей?

– Слышу, и вижу их будущее. До смерти бабушки я могла лишь предсказывать судьбу человека по его ладони, что, впрочем, не удивительно для наполовину цыганки. Но, умирая, бабушка передала мне свою силу, и теперь я слышу мысли людей и предсказываю их судьбу, просто глядя на человека или взяв в руки его вещь.

– А разве эту силу можно передать? – Лиза уже не знала, что ей и думать, но Кассандра была так убедительна, что княжна, даже против своей воли, верила ей.

– Можно! Только надо, чтобы в миг, когда отлетает душа, «такая же» стояла рядом с умирающей и держала её за руку.

Кассандра сказала «такая же», значит, мужчин с подобным даром не бывает? Смущенная Лиза постеснялась спросить об этом и, чтобы скрыть растерянность, перевела разговор, кивнув на огромный аметист в медальоне Кассандры:

– Какой красивый камень! Я заметила, что вы носите этот медальон не снимая.

– Я дала слово, что, пока жива, он будет на мне. Впрочем, это печальная история, которая началась давно, но пока ещё не закончена...

Не снимая с шеи золотой цепи, Кассандра приоткрыла крышку медальона и показала Лизе написанный на слоновой кости парный портрет, где представительный мужчина средних лет держал за руку красавицу в белом платье и с диадемой на голове. Красавицей, вне всяких сомнений, была сама Кассандра.

– Какая вы здесь красивая, – восхитилась Лиза.

– Это не я, это – мама. Тогда она ещё была герцогиней Молибра, а мужчина – мой отец, кузен испанского короля. Их история оказалась самой настоящей драмой, но если хотите, я могу всё рассказать.

Лицо Кассандры стало печальным, и Лиза, утешая, коснулась её плеча. Отрезвление пришло сразу: поток холодного пламени больно обжег руку.

– Привыкайте! Между «такими же» всегда пробегает огонь нашей силы, – заметила Кассандра, а потом собралась с мыслями и начала свой рассказ:

– Моя бабушка, в честь которой называли и меня, родилась в пещерах Сакрамонте – цыганском районе Гранады. Мы с мамой очень похожи на неё в молодости, да и голос у бабушки был такой же, только не поставленный, а песни, которые она пела, исполняют лишь в Испании. Так получилось, что на празднике, где она развлекала народ, её увидел молодой граф. Он влюбился в красивую цыганку с первого взгляда и начал её преследовать. Но тогда всё решалось просто. Граф пришёл в пещеру, где жили родители Кассандры, и предложил им за дочь много золота. Это и сейчас не редкость в цыганских семьях, а тогда и подавно считалось в порядке вещей, так что девушку ему продали. Граф забрал её в свой замок, где счастливо прожил с ней три года. Когда он узнал, что Кассандра беременна, то тайне от родных женился на ней. В положенный срок родилась моя мама, унаследовавшая от своего отца лишь светлую кожу, а всё остальное взявшая от Кассандры. Но два года спустя началась война, деду пришлось вернуться в полк, а через месяц он погиб. Наследники во главе с гордой старухой – матерью погибшего графа, презрительно посмотрели на цыганку с маленькой дочкой на руках. Они не сочли нужным даже поговорить с ней и выгнали за ворота замка.

Кассандра, вздохнув, замолчала, потом бросила взгляд на замершую Лизу и продолжила:

– Бабушка вернулась к своему народу и вырастила мою мать в той же пещере в Сакрамонте, где родилась сама. А потом история повторилась. Мама, уже тогда обладавшая удивительным голосом, с детских лет пела в монастыре Святой Каталины. Наша церковь запрещает женщинам петь в храмах, и добрые монахини, любившие девочку, разрешали ей петь хоралы в монастырском саду, а сами приходили её послушать и очень хвалили. Маме было шестнадцать, когда её пение услышал вдовец-герцог, недавно похоронивший жену в фамильном склепе при монастыре. Тот решил, что это поёт ангел, прилетевший забрать его боль, начал молиться об упокоении своей супруги, и на душе его полегчало. Герцог стал приходить в монастырь, где пела мама, и слушать её, а потом увидел девушку, идущую по саду в сопровождении монахинь. Так же, как и мой дед, отец влюбился с первого взгляда. Он тоже пришёл в пещеру, предлагая золото в обмен на мою мать, но бабушка отказалась с ним даже разговаривать. Тогда он начал преследовать юную певицу, засыпая признаниями и подарками, и наконец покорила её сердце. Мама решилась – и ушла к своему любимому.

Кассандра замолчала. Она явно побледнела, похоже, ей было не просто говорить о семейных тайнах, но она всё-таки смогла продолжить:

– Герцог был вдовцом, у него уже имелся наследник – прекрасный юноша, продолжатель рода. Зачем ему было на кого-то оглядываться? И он посчитал, что теперь свободен от обязательств перед титулом и может поступить так, как велит ему сердце. Герцог женился на своей избраннице. И они зажили на удивление счастливо. В Гранаду даже приехал сын герцога,

он хотел познакомиться с молодой мачехой. Семья воссоединилась, и все были этому рады. А потом что-то случилось, и у герцога появились подозрения, что его молодая жена состоит в преступной связи с его сыном. Двойное предательство убило любовь герцога, он приказал сыну убраться из дома, а жену запер в её комнате. Когда же она, надеясь смягчить ненависть обезумевшего мужа, сообщила, что беременна, герцог приказал избавиться от ребенка. Для мамы это было невыносимо. Она отказала мужу, а ночью, связав простыни и спустившись по ним из окна, сбежала.

– Боже мой! – ужаснулась Лиза. – Она же могла разбиться, и погибли бы двое...

Кассандра лишь усмехнулась и с гордостью объяснила:

– Мама никогда и ничего на свете не боялась. Она вернулась в пещеру, и бабушка ни словом не упрекнула свою дочь. В ту же ночь цыгане переправили их обеих на корабль, идущий в Италию. Там мама училась пению, а Кассандра сделалась самой знаменитой гадалкой Неаполя. Когда я родилась, мама назвала меня в честь бабушки и отдала ей на воспитание, а сама начала выступать в театрах Италии.

Кассандра закончила рассказ и, глянув в полные сочувствия глаза Лизы, улыбнулась.

– Не всё так плохо, – заметила она, – мы с мамой очень любим друг друга, и у нас дружная семья. А в медальоне спрятаны доказательства моих прав. За портретом лежат свидетельство о венчании родителей и моя метрика. Мама взяла с меня клятву, что эти бумаги и портрет родителей всегда будут находиться в медальоне, а я буду носить его постоянно.

История оказалась стара как мир, где любовь и предательство непременно ходят рядом. Кассандра выросла без отца, а что это такое Лиза знала и по себе. Уже не опасаясь сполохов странного холодного огня, она пожала руку Кассандры и сказала:

– История и впрямь драматическая. Я понимаю вашу печаль, ведь сама рано потеряла родителей, а потом и бабушку, которая растила меня и сестёр после их смерти. Я до сих пор тоскую по ним. Но вы – счастливица, ведь у вас есть мама. Однако позвольте спросить – вы упомянули о способностях своей бабушки. Они у неё не пропали, когда она стала женой своего графа?

– Бабушка говорила, что до замужества могла ещё беседовать с духами, а после того как стала женщиной, этот её дар пропал. Но она читала мысли людей и предсказывала им судьбу до самой своей смерти, – вспомнила Кассандра.

Больше она ничего не успела сказать: стук закрываемого фортепьяно возвестил об окончании урока. Джон и Генриетта благодарили свою наставницу.

– Как жаль, что они уже закончили, а мы не успели с вами договорить, – расстроилась Кассандра. Она с надеждой заглянула Лизе в глаза и предложила: – Приходите к нам завтра в это же время. Мама будет заниматься с вашими друзьями, а мы поболтаем часок-другой.

Лиза с восторгом согласилась. Она тоже хотела вновь увидеть Кассандру. Столько вопросов вертелось у неё на языке! Наконец-то нашёлся человек, который сможет на них ответить. Пусть сегодня они с Кассандрой расстанутся, но завтра вновь обязательно встретятся, а потом будет ещё день, а за ним следующий. Как хорошо, когда у тебя есть подруга, такая же необычная, как и ты сама.

Глава десятая. Загадочная беседа

Как хорошо, что скамья свободна! Агата Андреевна побыстрее заняла её. В этой части Гайд-парка мест для наблюдения было немного, а эта скамья оказалась настоящей находкой: маленькая, аккуратно, как плотной зелёной стенкой, прикрытая ровно выстриженной живой изгородью. Шла уже первая декада декабря, но вечнозелёная листва самшитовых кустов смотрелась по-прежнему густой и яркой. Ни дождя, ни, тем более, снега сегодня не было, низкие серые тучи к полудню стали разбредаться, края их подкрасились солнцем до ослепительной белизны, а в прогалинах заиграла яркая лазурь. Так что день выдался хорошим, а значит, и принцесса Шарлотта должна была появиться на прогулке в Гайд-парке. Орлова уже изучила весь маршрут, по которому проезжало ландо наследницы престола, и выбранное место оказалась фрейлине самым удобным наблюдательным пунктом. Скамья стояла на пересечении двух аллей, экипаж проезжал совсем близко, и на лице Шарлотты были заметны малейшие оттенки чувств.

Орлова давно уже отказалась от идеи наблюдать за принцессой на балах или приёмах. Там Шарлотта была очень взволнована и вела себя ненатурально, зато Гайд-парк, где наследница чувствовала себя свободной от строгих норм этикета, подошёл для наблюдений как нельзя лучше. Агата Андреевна, пожалуй, и сама не до конца понимала, что же она пытается найти в лице принцессы. Какого «окончательного подтверждения» ждёт? Шарлотта оказалась красивой и избалованной, перепады её настроения ни для кого в столице не были секретом: принцесса могла зарыдать, а потом тут же расхохотаться. Конечно, для семейной жизни эти свойства характера подходили мало, но, если супруги будут жить в разных странах, то всё как-нибудь сгладится. Так что же такое должна была прочитать русская фрейлина на лице британской наследницы прежде, чем она сядет за письмо к императрице Марии Фёдоровне? Орлова и сама не знала...

Понятно, что надо писать «да». Так зачем же оттягивать неизбежное, таскаясь сюда каждый день? Но Орлова знала, что придёт сюда завтра и на следующий день, и будет ходить на эту аллею до посинения, пока не уловит то неуловимое «нечто», которое всё расставит по своим местам, а её совесть наконец-то успокоится.

Агата Андреевна пришла заранее. По её прикидкам выходило, что ландо принцессы появится на аллее не ранее чем через полчаса. Фрейлина осмотрелась по сторонам. Не хотелось бы сейчас увидеть толпы гуляющих. В противостоянии между принцем-регентом и его строптивой дочерью симпатии жителей его страны были целиком на стороне Шарлотты. Наследницу престола обожали. Британцы в своих мечтах видели её ангелом благородства и справедливости. Насколько народ не любил отца Шарлотты и его гуляк-братьев, настолько же обожествлял наследницу престола.

Бедняжка, как можно жить под таким гнётом всеобщих ожиданий? Орлова от души жалела Шарлотту. Принц-регент – один, да к тому же какой-никакой, но родитель, а тут миллионы незнакомых людей, связавших с принцессой сокровенные чаяния. Но жизнь – штука сложная, многое так и останется несбыточной мечтой, тогда все обманутые упования обернутся ненавистью к королеве, не оправдавшей надежд, и придётся Шарлотте влезать в шкуру своего ненавистного отца.

Впрочем, философские мысли недолго занимали Агату Андреевну: её отвлек разговор за живой изгородью. Беседовали две женщины, и, судя по голосам, обе они были молоды. Разговор вёлся по-французски, так что фрейлина всё понимала, а услышанный вопрос её поразил:

– Кассандра, у тебя не бывает такого чувства, что ты испытала огромное счастье, но знаешь, что его время ушло, а теперь надвигается что-то плохое? Как будто ты предчувствуешь беду?

Похоже, что та, кого называли Кассандрой, испугалась, в её голосе зазвучал даже не страх, а ужас:

– Когда ты это почувствовала?

– Несколько дней назад. Я пыталась отогнать эти мысли, боясь сама себя сглазить, но мне всё время кажется, что я вижу близких в последний раз. Не могу насмотреться на родные лица, хотя нет никаких причин для печали.

Ответа не было так долго, что застывшая за живой изгородью Орлова уже почувствовала облегчение, но Кассандра наконец тихо сказала:

– Лизи, нас предчувствия никогда не обманывают. Если это чувство не уйдет, ты должна готовиться к тому, что несчастье случится. У меня есть только один рецепт от предчувствий: постараться гнать тяжкие мысли, но, если они возвращаются, я смиряюсь с неизбежностью.

Орлова была озадачена. Она попыталась представить себе говоривших. По интонациям, тембру голоса, чувствам, сквозившим в речах незнакомок, ей показалось, что та, кого зовут Кассандрой, скорее всего, опытнее и сильнее, а вот Лизи, если и не слаба духом, то, по меньшей мере, полна сомнений. Разговор был настолько любопытным, что Агата Андреевна не поленилась привстать со своей скамьи и попыталась разглядеть беседующих женщин. Но она не увидела даже их силуэтов – мелкие блестящие листочки, слившись в сплошную зелёную стену, надёжно оберегали свои тайны.

Цокот копыт по гравию аллеи отвлёк Орлову. Неужели принцесса? Рановато...

Однако из-за поворота и впрямь показался выезд Шарлотты: серые кони, запряжённые четверней, открытое ландо с гербом на лаковой дверце и сама наследница престола в крытой алым бархатом ротонде и замысловатой шляпке с кудрявым пером. Рядом с ней восседала крупная дама с постным лицом, строго взиравшая по сторонам.

«Чёрт побери, чуть было не пропустила», – обругала себя Орлова. Ей стало стыдно, что занялась посторонними делами, а о главном забыла.

Фрейлина привстала, всматриваясь в лицо принцессы. Сегодня Шарлотта была необычайно хороша. Её прекрасные голубые глаза казались мечтательно-томными, она улыбалась собственным мыслям. Ну, прямо-таки ангел!

«Всё, пора кончать наблюдения, – решила Орлова. – Сегодня же нужно написать императрице-матери, что задуманный брак возможен».

Свернув на другую аллею, ландо миновало скамью. Агата Андреевна уже собралась выйти из своего укрытия, но за живой изгородью вновь зазвучали голоса:

– Ты побледнела, Лизи! Что с тобой?! – испуганно спрашивала Кассандра.

– А разве ты ничего не почувствовала?

– А что я должна была почувствовать?

– Ты разве не увидела этого?

Кассандра, похоже, совсем запуталась:

– Господи, да о чём это ты, Лизи?!

Невидимая Лизи молчала. Орлова затаила дыхание. Разговор стал уже не просто странным, а даже жутковатым. Что это за Лизи такая? Как будто подслушав её мысли, странная девушка подала голос:

– Я сейчас посмотрела в лицо принцессы Шарлотты и поняла, что та не жилища.

– Но ты же не в первый раз её видишь. Помнишь, она была на премьере «Танкреда»? Ваша ложа была недалеко от королевской, ты могла хорошо её рассмотреть.

– Нет, тогда мне ничего подобного не приходило в голову, – расстроено ответила Лизи. – Я это поняла только сейчас.

Голоса смолкли, а до Орловой вдруг дошло, что её руки дрожат. Она не могла сказать почему, но знала, что загадочная Лизи права. Это было то самое неуловимое «нечто», которое она сама всё время пыталась отыскать в лице прекрасной наследницы британского престола.

Шарлотта жила за гранью реальности: нелюбимый ребёнок, она потратила слишком много сил, пытаясь добиться для себя того, что другие дети имеют с рождения, а на взрослую жизнь сил у неё просто не осталось.

Острая боль занозой застряла в груди Орловой. Сердце! Только не сейчас!..

Фрейлина рухнула на скамью, пытаясь совладать с болью. Заноза не отпускала, сердце билось в груди, как птица о прутья клетки. Только бы пронесло! Орлова представила на мгновение, что сейчас сердце застынет, а она так и останется сидеть на холодной скамье в столице чужой страны. Никто даже не узнает, кто она такая!

Чтобы выровнять дыхание, Агата Андреевна, принялась массировать грудь. Воздух наполнил лёгкие, и боль в сердце стала затихать.

– Всё будет хорошо, сейчас полегчает, – прошептала Орлова, и собственный голос взбудрил её.

Просто нужно успокоиться!.. Боль затупилась, а потом совсем затихла, но Орлова вдруг поняла, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Слабость была такой страшной и, казалось, не уйдёт больше никогда. Сколько просидела Агата Андреевна на скамье – с десятков минут или час – она не представляла, но потом всё же поднялась и сделала несколько шагов. Держась за ветки живой изгороди, Орлова вышла на аллею и побрела к выходу из парка. На её счастье, прямо у ворот седоков ждал пустой кэб. Фрейлина назвала кучеру адрес и забралась внутрь экипажа.

Только дома Орлова вздохнула с облегчением. Она накапала себе лекарство, выпила его и легла в постель, и лишь тогда вспомнила, что не заметила на аллее никаких женщин. Как видно, гулявшие дамы успели уйти, пока она приходила в себя после сердечного приступа.

– Значит, так тому и быть! Хватит с меня мистики, – прошептала Орлова.

Вот только письмо императрице-матери она писать почему-то раздумала. Может, немного попозже? Например, на Рождество.

Глава одиннадцатая. Кровавый сочельник сыщика Гаррисона

24 декабря 1814 г.

Многолюдная компания, всё лето прожившая в доме Черкасских, потихоньку растаяла: вскоре после отъезда хозяев в Вену, засобирались в Гленорг-Холл молодожёны – Долли с мужем, а потом Луиза де Гримон увезла в Париж свою племянницу Генриетту. Лорд Джон остался в Лондоне, чтобы не прерывать занятий с примадонной, но и он в канун Рождества затосковал и, быстренько собравшись, уехал к брату. В доме остались лишь графиня Апраксина с компаньонкой и Лиза, ведь годовалый сын брата Алексея был пока не в счёт – слишком уж мал. Впрочем, старая графиня всё равно хлопотала, собираясь устроить праздник, и легко согласилась, когда Лиза отпросилась в гости к подруге:

– Поезжай, дорогая, только не опаздывай к ужину.

Старушка поспешила на кухню, где нынче пекли и варили лишь русские блюда, а Лиза распорядилась заложить карету.

На улице похолодало, да и легкий снежок то шёл, то прекращался, поэтому Лиза закуталась в чёрную соболью ротонду – рождественский подарок сестры Долли. Наконец экипаж подали к крыльцу, и княжна поспешила в дом сеньоры Молибрани. Всю дорогу Лиза пыталась разобраться в своих чувствах и в конце концов признала, что Кассандра уже стала для неё ближе родных сестёр. Конечно, грех было так думать, а тем более говорить, но что же делать, если лишь рядом с подругой Лиза не страшилась своего дара. Оставалось только надеяться, что сестры никогда ни о чём не догадаются.

В доме примадонны уже царил праздничный оживление: с кухни плыли сладкие запахи, гостиную украшали ветки омелы и остролиста, а в камине вовсю горело огромное рождественское полено. Увидев в окошко подъехавший экипаж, Кассандра выбежала навстречу подруге. Она обняла Лизу, поторопила:

– Пойдём, мама поёт рождественские песни, а это стоит услышать!

В большой гостиной собрались слуги. Хозяйка сидела за фортепиано. Она показалась Лизе настоящей королевой: удивительно красивая в нежно-голубом кружевном платье и роскошном ожерелье из нескольких нитей крупного жемчуга, примадонна улыбнулась барышням и поманила их к себе. Кассандра взяла Лизу за руку и повела за собой к фортепиано.

– Сейчас мы поём с тобой вместе, дорогая, – сказала примадонна дочери.

Она заиграла рождественский гимн, а потом запела. Чарующий, глубокий голос заполнил комнату, как всегда, произведя ошеломляющее впечатление. Лиза боялась даже вздохнуть, и тут к контральто примадонны присоединилось бархатное меццо-сопрано. Это запела Кассандра. Два волшебных голоса то сливались, дополняя друг друга, то разлетались в волшебной игре. Это было настоящее чудо! На глаза Лизы навернулись слёзы. Она плакала и слышала, как за её спиной всхлипывают слуги.

Кассандра блистательно взяла верхние ноты, а примадонна – последний аккорд, и музыка смолкла. Волшебство исчезло... Раздались аплодисменты, и Лиза как будто вернулась с небес на землю. Сеньора Молибрани поднялась из-за инструмента и обратилась к слугам:

– Спасибо вам всем! Счастья вам в этот святой день, здоровья и удачи.

Называя одно за другим разные имена, примадонна вручала подарки, приготовленные на столике у фортепиано.

– Пойдем, погуляем, – предложила Кассандра, – Как удачно, что ты ещё не сняла ротонду, ну а я быстро оденусь.

Она вернулась ровно через минуту и повела Лизу в сад. Морозец, прихвативший лужи хрупким ледком, сейчас отступил, сквозь невесомый покров снега пробивалась густая зелень газона. Было свежо, но не холодно. Лиза вздохнула полной грудью. Нежное чувство, родившееся под пение гимнов, грело душу и обещало счастье. Как, оказывается, мало надо, чтобы в сердце поселилась надежда: рождественская песнь и два изумительных голоса.

– Как же ты хорошо поёшь, – сказала подруге Лиза, – а вдвоём с матушкой вы поёте просто божественно. Я даже не представляла, что такое бывает.

– Спасибо, – обрадовалась Кассандра. – Это мой самый любимый подарок на Рождество, когда мама поёт гимны вместе со мной.

– Я тоже хотела сделать тебе подарок, – встрепенулась Лиза, но тут же смутилась: она не знала, как Кассандра отнесётся к её идее.

– Да говори же, – подбодрила её подруга.

Лиза наклонилась к ней и прошептала свою просьбу ей на ухо.

– Я согласна, но и ты сделаешь то же самое, – согласилась Кассандра.

Они взялись за руки... Странный хлопок показался обоим очень громким. Что это? Обе осознали это одновременно: в гостиной прозвучал выстрел. Кассандра рванулась к дому, Лиза кинулась следом, но её ботинок попал в выбоину на мощеной дорожке и нога подвернулась. Княжна рухнула на четвереньки, больно отбив ладони. Из-за распахнутой двери донёсся крик. Кассандра что-то кричала на незнакомом языке. Лиза вскочила и бросилась к дому. Пока она, прихрамывая, добралась до открытой двери, за стеклом мелькнули языки пламени.

Лиза влетела в открытую дверь и ужаснулась. На полу рядом с фортепиано лежала сеньора Джудитта. На голубых кружевах её прекрасного платья расплзлось алое пятно. Глаза примадонны смотрели вверх, но было ясно, что женщина мертва. Вся комната пылала: огонь плясал на шторах и мебели, чёрным дымом чадил ковер. Посреди этого ада метались двое мужчин. Невысокие, смуглые и горбоносые, с пистолетами в руках, они показались Лизе воплощением смерти. От страха она даже забыла о Кассандре, но подруга сама напомнила о себе, что-то крикнув преступникам. Два выстрела прозвучали почти одновременно. Лиза упала первой, а следом рухнула дочь примадонны.

Особняк примадонны пылал, как факел. С треском вылетали стёкла, рушились перекрытия, и, хотя крыша пока уцелела, ни у кого из зевак, стоявших вдоль улицы, не было сомнений, что скоро и она провалится, доконав то, что ещё несколько часов назад было красивым и уютным домом первой певицы Европы.

Слуги примадонны в наспех накинутой одежде и с непокрытыми головами жалкой группой собрались у ворот, беспомощно взирая на стену огня за лопнувшими окнами. Хозяйка соседних домов, опасаясь за собственное имущество, тревожно ожидала финала трагедии.

– Я говорила, что соседство с певицей принесёт нам беду, а ты мне не верил! – истерически крикнула своему мужу баронесса Рочклиф. – Что будет, если ветер подует в нашу сторону?

Баронесса, припав к окну, заламывала руки. Соседний дом являл собой ужасное зрелище, и в глазах бедной дамы уже вставали кошмарные видения горящих ковров и гардин в её собственной гостиной.

Её супруг, разместившийся у соседнего окна, счёл за благо согласиться:

– Да, ты права, становится опасно.

За двадцать лет крепкого английского брака он хорошо усвоил, что подходить к жене, находящейся в столь нервном состоянии, опасно. Опытным глазом прикинув безопасное для себя расстояние, барон развлекался тем, что наблюдал за людьми на улице. С соседской прислугой всё было ясно – растерялись, как бараны. Он всегда говорил, что иностранцы не умеют школить слуг, и в очередной раз оказался прав. Какая-то женщина в большой пёстрой шали, накинутой на тёмное платье, металась от одного бездельника к другому, пытаясь чего-то добиться,

но бестолочи лишь разводили руками. Небось такая же иностранка, как и примадонна, уговаривает этих олухов заняться их прямыми обязанностями – начать тушить дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.